

Литовско-русское государство *).

I. Образование территории.

Литовскія племена, поселившіяся среди непроходи- Литва и со-
седн.
мых болотъ и лѣсовъ въ бассейнѣ Нѣмана и Вислы, до XIII вѣка не имѣли, видимо, какой бы то ни было политической организаціи, походившей на государственную. Благодаря господству въ бытѣ родовыхъ отношеній, литовцы дѣлились на множество отдѣльных пле-

*) *Важнѣйшая литература:* Антоновичъ. „Монографіи по исторіи Западной Россіи“. Кіевъ 1885 г.; Totoraitis. „Die Litauer unter d. König Minowen“ Freiburg 1906 г.; *Василевскій.* „Исторія города Вильны“. Спб. 1872 г.; Stadnicki. „Synowie Gedymina“. Z. 1881 г.; *Его же.* „Olgiert i Keinstut“ 1870 г.; *Леонтовичъ.* „Очерки исторіи Лит.-русск. права“. Спб. 1894 г.; *Любавскій.* „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русск. государства“. Москва 1892 г.; *Грушевскій.* „Исторія Украины Руси“, т. IV. Львовъ 1907 г., *Ямьсоъ.* „Уставныя земскія грамоты“. Кіевъ 1889 г.; *Довнаръ-Запольскій.* „Государственное хозяйство Литовско-рус. государства“. Кіевъ 1901 г.; *Его же.* „Очерки по организаціи зап.-русск. крестьян“. Кіевъ 1905 г.; *Любавскій.* „Литовско-русскій сеймъ“ (Чт. въ Общ. И. и Др. 1900 г. кн. IV и слѣд.), отд. М. 1901 г.; *Владимірскій-Будановъ.* „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ“. Спб. 1868 г.; *Тарановскій.* „Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права зап.-рус. городовъ литов. эпохи“ (Варш. Ун. Изв. 1897 г.), отд. Варшава 1897 г.; *Ланпо.* „Великое княжество Литовское“. Спб. 1901 г.; *Lewicki.* „Powstanie Swidrigielny“. Kraków 1892 г.; *Леонтовичъ.* Статьи въ Ж. М. Н. Пр. 1896—1897, 1909—1910 г.; *Коллювичъ.* „Люблинская унія“; *Довнаръ-Запольскій.* „Польско-литовская унія на сеймахъ“. М. 1897 г.; *Пичета.* „Литовско-Польскія уніи“. (Сб. въ честь Ключевскаго. М. 1910 г.); *Малиновскій.* „Литовская рада“. Кіевъ 1902 г.; *Максимейко.* Сеймы Лит.-рус. госуд.“. Харьковъ 1902 г.; *Ефименко.* „Южная Русь“, т. II. Спб. 1902 г.; *Владимірскій-Будановъ.* „Очерки по исторіи дат. рус. права“, в. I, II и III. Кіевъ 1890—1893 г.; *Довнаръ-Запольскій.* „Берестейское Староство“. (Кіев. Унив. Изв. 1898 г. № 2); *Владимірскій-Будановъ.* Населеніе Юго-Западной Россіи отъ XIII—XV и отъ XV—Люб. унію“ (Арх. юго-западной Россіи, часть VII, т. 1 и 2).

мень, мелкихъ родовыхъ дѣленій, во главѣ которыхъ стояли князьки-старѣйшины. Только единство религиозныхъ вѣрованій и представленій являлось отчасти нѣкоторой объединяющей силой. Сосѣдами литовцевъ были съ одной стороны поляки; съ другой—русскія земли; несмотря на малодоступное положеніе Литвы, сосѣди постоянно воевали съ ней, правда, безъ особенныхъ результатовъ. Лѣтописныя извѣстія X—XIII в. полны извѣстій о походахъ русскихъ на Литву, по преимуществу сосѣднихъ галицко-волинскихъ князей на сосѣднихъ ятвяговъ. Конечно, покорить послѣднихъ фактически было невозможно, и дѣло ограничивалось собираніемъ дани, грабежомъ населенія и уводомъ плѣнниковъ. Походы русскихъ не имѣли, однако, никакого вліянія на политическую организацію литовцевъ, такъ какъ постоянныхъ зависимыхъ отношеній между Литвой и русскими князями не было. Лишь полоцкимъ князьямъ удавалось не только пограбить и увести плѣнниковъ домой, а и поставитъ литовскихъ старѣйшинъ въ нѣкоторыя зависимыя отношенія, что впрочемъ не нарушало существовавшихъ тогда родовыхъ дѣленій.

Литва и нѣм-
цы.

И литовцы иногда собирались съ силами и, въ свою очередь, отвѣчали набѣгами, подчасъ очень смѣлыми, на Подвинье и Поднѣпровье. Отмѣтимъ походы Литвы на Полоцкую землю, въ 80—90 годахъ XII вѣка на Волинь и отчасти на Польшу. Но въ началѣ XIII вѣка внѣшнее положеніе литовцевъ стало болѣе затруднительнымъ. При устьѣ Двины выросъ Ливонскій орденъ, а нѣсколько позже, по приглашенію Конрада Маазовскаго, въ другомъ мѣстѣ Балтійскаго моря возникъ Тевтонскій орденъ, специально для борьбы съ пруссами, съ которыми самъ Конрадъ не могъ справиться. Первоначально два рыцарскихъ братства были вполнѣ независимыми другъ отъ друга религиозно-политическими организаціями, но въ 1237 году братства соединились въ одно. Рыцари обонхъ орденовъ стали сразу держаться совмѣстной агрессивной политики по отношенію къ ли-

товцамъ. Они постоянно дѣлали набѣги на Литву, а превосходство феодальной военной организациі ордена и внутренняя слабость литовцевъ гарантировала имъ, конечно, полный успѣхъ. Рыцари отнимали у литовцевъ земли, обращали жителей въ своихъ рабовъ, облагая населеніе податями и налогами, а самое главное, насильно обращая въ христіанство; и въ результатъ, послѣ долгой и упорной борьбы, прибалтійскія и придвинскія племена: пруссы, корсь, летьгола, змигола — стали зависимыми отъ ордена. Только жмудь и собственно литва оставались пока независимыми, но дальнѣйшая борьба съ нѣмцами могла привести и ихъ къ поглощенію орденомъ. Правда, и покоренныя племена, не вынося феодальнаго рабства, поднимались, но ихъ возстанія кончались новымъ, еще болѣе тяжелымъ порабощеніемъ.

Борьба съ сосѣдями и въ особенности съ нѣмцами, имѣла большое значеніе для политической организациі литовцевъ. Она пробудила въ нихъ чувство національно-религіознаго единства и стремленіе сплоченными усиліями побѣдить наступавшаго врага, отстоявъ національно-религіозную самобытность. Это внѣшнее давленіе къ объединенію совпало съ подобнымъ же процессомъ, совершавшимся внутри самаго племени и выражавшимся въ распаденіи старыхъ родовыхъ организаций. Изъ нихъ сумѣли выдѣлиться отдѣльныя лица и подчинить себѣ болѣе слабые родовые элементы. Воюя съ нѣмцами, эти лица всегда выступали окруженныя людьми, находившимися въ лично-зависимыхъ отношеніяхъ отъ нихъ. Нѣмецкіе хроникеры, называя такихъ лицъ „*Kunige, reguli, nobiles, die edelsten*“, подчеркиваютъ, что въ сраженіяхъ они участвуютъ, окруженные дружинниками (*cum sodalibus*). Такие вожди были въ то же время представителями крупнаго землевладѣнія, уже прочно сложившагося къ этому времени, чему, конечно, содѣйствовало разложеніе родовыхъ дѣлений и подчиненіе болѣе слабыхъ экономически

Разложеніе
рода.

болѣ сильнымъ. Такіе крупныя землевладѣльцы стали вождями группы населенія, живущей на опредѣленной территоріи; и въ сущности между этими князьями—Рушковичами, Булевичами—было такъ же мало солидарности, какъ и между родовыми организаціями. Но всетаки литовскіе князья стали болѣ щепетильны по отношенію къ тѣмъ убыткамъ, которые они терпѣли отъ сосѣдскихъ набѣговъ. Стремленіе ихъ отразить заставляло князей дѣйствовать солидарно, организуя нѣчто вродѣ союза князей. Но такія княжескія федераціи такъ же быстро распадались, какъ и создавались, и, возникающая всякій разъ по тому или другому поводу, онѣ, конечно, не могли привести къ національному объединенію, но могли пробудить и укрѣпить стремленіе къ нему.

Старшіе
и младшіе
князья.

Несомнѣнно, что среди территоріальныхъ князьковъ скоро исчезло политическое равновѣсіе. Одни стали богаче, сильнѣе, другіе не удержались на занятой позиціи и немного опустились. Очертить въ деталяхъ подобный процессъ мы не въ состояніи по недостатку данныхъ, но упоминаніе Галицкой лѣтописи о посольствѣ къ Романовичамъ на Волинь литовскихъ князей, среди которыхъ были старшіе князья и нѣсколько младшихъ, является въ некоторой иллюстраціи къ вышесказанному. Нѣмецкія хроники тоже говорятъ о какихъ-то старшихъ и младшихъ князьяхъ. Такъ, въ XIII в. намѣчался процессъ исчезновенія мелкихъ территоріальныхъ организацій и замѣна ихъ болѣ крупными, что являлось большимъ шагомъ впередъ для политическаго объединенія. Дальнѣйшій процессъ въ этомъ направленіи долженъ былъ заключаться въ выдѣленіи изъ среды князей крупнаго и сильнаго князя и въ подчиненіи ему остальныхъ князьковъ. Конечно, это случилось бы само собой путемъ медленной эволюціи жизни народа, но внѣшнія столкновенія, особенно съ нѣмцами, значительно ускорили объединительный процессъ.

Начало объ-
единенія
Мендовга.

Первоначальное образованіе Литовскаго княжества связано съ именемъ Мендовга, которому удалось обра-

зовать военное государство, подчинивъ себѣ литовскихъ князьковъ. Мы не можемъ, по отсутствію данныхъ, дать картину борьбы Мендовга съ князьками, но важнѣе, конечно, результатъ борьбы, послѣ которой значительная часть Литвы очутилась въ его рукахъ, а прежніе „старѣйшіе“ князья стали „младшими“. Вѣдь первоначально Мендовгъ былъ только однимъ изъ старѣйшихъ князей. По крайней мѣрѣ Галицкая лѣтопись отмѣчаетъ его въ числѣ старѣйшихъ въ посольствѣ литовскихъ князей къ волынскимъ въ 1219 году, которое положило конецъ враждебнымъ галицко-литовскимъ отношеніямъ. Политика Мендовга была отмѣчена и современными хроникерами и лѣтописями. Нѣмецкій хроникеръ прямо называетъ Мендовга „королемъ литовцевъ“.

Первоначальнымъ ядромъ, изъ котораго выросло и
 развилось Литовско-русское государство, была собственно
 Литовская земля по правымъ притокамъ Нѣмана, Увеличѣніе
территоріи.
 особенно по рѣкѣ Вилии. Вокругъ этой области и сгруппировались остальные части Литовскаго княжества. Но уже при Мендовгѣ территорія отчасти расширилась за счетъ части сосѣдней Черной Руси—по лѣвымъ притокамъ Нѣмана съ городами: Гродно, Волковыскъ, Слонимъ. Во второй половинѣ XIII в. онъ учредилъ свою столицу въ Новгородѣ Литовскомъ, наиболѣе значительномъ городѣ земли. Мѣстнымъ князьямъ пришлось опуститься до положенія подручныхъ князей. На этомъ территориальныя приобрѣтенія Мендовга не остановились. Мендовгъ начинаетъ нападать и на другія русскія области. Усиленіе княжества было необходимо для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ, а внутреннее состояніе русскихъ областей вполнѣ благоприятствовало тенденціямъ литовской политики: русскія земли были ослаблены и разорены татарскимъ нашествіемъ: онѣ сами естественно тянули къ такому центру, который могъ стать на ихъ защиту. Внутри ихъ самихъ взяли верхъ центробѣжныя силы, что значительно парализовало возмож-

ность активного сопротивленія съ ихъ стороны. Старые враги, галицко-водынскіе князья, были заняты внутренними усобицами и не могли противождать активной политикѣ Мендовга; столь опасный раньше Полоцкъ былъ занятъ домашними спорами, разрушавшими старое единство земли и естественно ее ослаблявшими. Что касается нѣмцевъ, то по отношенію къ нимъ у Мендовга, конечно, не могло быть никакой опредѣленной политики. Большею частью онъ держался оборонительной тактики, изрѣдка переходя къ наступленію, кончавшееся, въ концѣ концовъ, печально для Мендовга. Его политика—это политика ухищреній, мирныхъ договоровъ, мелкихъ войнъ, принятія христіанства и отступленія отъ него.

Итоги колл-
тики.

Наступательная политика Мендовга скоро дала весьма существенные результаты. Къ 50 годамъ XIII в. была присоединена Полоцкая земля, куда Мендовгъ послалъ княземъ своего племянника-Товтивилла; была попытка завоевать Смоленскую землю, по внутренне-единая—она была слишкомъ сильна, чтобы молодое, еще неокрѣпшее военное государство могло ее покорить.

Протестъ кня-
зей.

Объединительная политика Мендовга вызвала естественный протестъ со стороны группы литовскихъ князей, очевидно не желавшихъ превращаться въ подручников великаго князя. Недовольные составили заговоръ и убили Мендовга (1263). Конечно, съ его смертью объединительной политикѣ былъ нанесенъ весьма существенный ударъ, и возникшія тогда усобицы на время, конечно, задержали политическій ростъ Литвы и значительно расшатали только-что народившееся государство. Однако, внѣшнее положеніе Литвы оставалось старымъ: опасность порабощенія не только не ослабѣла, а даже усилилась, благодаря побѣдѣ въ самой Литвѣ центробѣжныхъ силъ. Все это и должно было въ концѣ концовъ толкнуть литовскихъ князей на путь объединительной политики, которая собственно отчасти соотвѣтствовала и матеріальнымъ выгодамъ князьковъ, такъ

какъ опасность разоренія и нападенія значительно уменьшалась.

Болѣе активное и съ этого момента непрерывное расширеніе территоріи начинается со времени Гедимины (1315-1341).

Уже его предшественники отчасти сломили сопротивление князьковъ, приведя ихъ въ подобающее положеніе и даже отчасти возобновивъ активную политику по отношенію къ сосѣдямъ. Но разрѣшеніе задачи, поставленной Мендовгомъ, блестяще было начато только при Гедиминѣ и его сынѣ Ольгердѣ. Расширеніе территоріи въ общемъ шло довольно быстрымъ темпомъ, и большая часть земель была присоединена не при посредствѣ вѣншей силы: сосѣднія области, нуждаясь въ болѣе сильныхъ защитникахъ, охотно подчинялись власти литовскихъ князей, признавая надъ собою верховенство великаго князя. Кромѣ того и сами князья часто предпочитали добровольно стать „подручниками“ литовскаго князя, но оставить за собою свои владѣнія. Гедимину и Ольгерду удалось объединить подъ своей властью всѣ литовскія племена, сломивъ даже рѣзко выраженный индивидуализмъ жмуди, бывшей не въ состояніи собственными средствами продолжать войну съ нѣмцами. Въ началѣ XIV в., при Гедиминѣ, власть литовскаго князя распространяется на Минское княжество. Около того же времени потеряли самостоятельность и турово-пинскіе князья, владѣнія которыхъ такъ раздробились, что скорѣе напоминали собою вотчины и помѣстья, а не государства.

Турово-пинскіе князья, такимъ образомъ, не представляли изъ себя крупной политической единицы. Занятые междоусобицами, они не могли оказать соотвѣтствующаго сопротивленія агрессивной политикѣ галицко-волинскихъ князей, и въ половинѣ XIII в. стали зависимыми отъ нихъ. Стремленіе освободиться отъ послѣднихъ и заставило князей довольно рано вступить въ сношенія съ Литвой, а территоріальная близость

Гедиминъ.

Присоединеніе
Турово-Пинской земли

располагала къ этому. Это и привело въ концѣ концовъ къ установленію литовскаго владычества, совпавшаго съ моментомъ ослабленія значенія галицко-волинскихъ князей. Съ присоединеніемъ турово-пинскихъ князей, въ составъ территоріи Литовскаго княжества вошла область древнихъ дреговичей.

Присоединеніе
Полоц. земли.

Благодаря прекращенію княжеской линіи въ Полоцкѣ, онъ окончательно утвердился за Литвой, а выдѣлившаяся изъ Полоцкой земли—Витебская, благодаря женитьбѣ Ольгерда на вел. княжнѣ Маріи, отдана ему въ видѣ приданнаго.

Дальнѣйшее
расширеніе
Лит. вѣст. госу-
дарства.

Политическіе успѣхи Гедимина не ограничивались только предѣлами Минскаго княжества и Литовскаго Полѣсья. Гедимину удалось подчинить себѣ и сосѣднее Подляшье — Берестейскую землю по среднему теченію Западнаго Буга — политически единую и замкнутую въ себѣ, съ половины XIII в. освободившуюся отъ вліяніе волинскихъ князей. Помимо этого литовское вліяніе отчасти распространилось на территоріи древлянъ—по Березинѣ, Нижней Припети и ея притокамъ, Днѣпру и Сожу. Гнѣзда мелкихъ князей Киевскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ чувствовали на себѣ вліяніе Гедимина. Кажется, самъ Кіевъ находился въ сферѣ политическаго вліянія Литвы, такъ какъ нѣкоторые изъ историковъ находятъ возможнымъ признать Киевскаго князя Феодора подручникомъ Гедимина. Впрочемъ, послѣднее можно считать научной гипотезой, имѣющей за собой нѣкоторое основаніе, но точно установить этотъ фактъ невозможно. Распространилось также вліяніе Литвы и на Волинь, гдѣ былъ княземъ Любарть Гедиминовичъ, женатый на дочери Владимірскаго князя, но въ 40 годахъ, когда польскій король Казимиръ вмѣшался въ галицко-волинскія отношенія, вліяніе на Волини Любарта уменьшилось: у него осталась только одна Луцкая земля. Какъ бы то ни было, но многолѣтняя борьба за галицко-волинское наслѣдство

была моментомъ благоприятнымъ для территоріальнаго расширенія Литвы.

Ольгердь (1341-1377) дѣятельно продолжалъ активную политику отца, распространяя литовское владычество вглубь русскихъ земель, въ бассейны Днѣпра, Днѣстра и отчасти южнаго Буга. Раньше другихъ признали литовское верховенство чернигово-сѣверскіе князья. Какъ разъ къ этому времени въ семьѣ наиболѣе значительныхъ изъ князей Сѣверщины — Брянскихъ, начались усобицы: центробѣжныя силы взявъ верхъ. Ольгерду не стоило никакихъ усилій распространить литовское вліяніе на Сѣверщину. Уже въ 60 годахъ въ городахъ западной части ея (Брянскъ, Новгородъ, Черниговъ, Стародубъ) сидѣли литовскіе князья, а въ восточной — мѣстные, но признавшіе зависимость отъ Литвы. Расширеніе сферы политическаго вліянія на Сѣверщину толкало Ольгерда на поступки въ томъ же направленіи. Это и опредѣлило несовѣмъ удачное столкновение Ольгерда со Смоленскомъ, которому временно удалось сохранить свою самостоятельность. За Сѣверщиной наступила очередь Киевской земли. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Ольгердь совѣмъ прогналъ изъ Кіева князя Ѳедора, посадивъ на княжескій столъ сына Владиміра. Это случилось въ 1382 г. За Киевской землей и Переяславская земля, тянувшая къ Кіевщинѣ, подчинилась Литвѣ. Кромѣ Киевщины и Переяславщины, послѣ упорной борьбы Ольгерда и Любарта съ Казимиромъ Польскимъ, — часть Волынской земли, а именно, земли Луцкая, Владимірская, Берестейская, Бельзская, Холмская, — были отданы литовскимъ князьямъ. Но борьба этимъ не окончилась, и только по смерти Казимира Любарту удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ всю Волынь, отказавшись отъ всякихъ притязаній на Галицію. Нельзя забывать о той поддержкѣ, которую населеніе Волыни оказывало Любарту въ его борьбѣ съ Польшей за независимость Волыни. Наконецъ, послѣ сраженія съ татарами на

Ольгердь, в
его присое-
динилъ.

Чернигово-
Сѣв. земля

Кіевская и
Переяславская
земля

Волынская
земля.

Подольская
земля

Синей Водѣ (1380), восточное Подолье съ Брацлавоу и Винницею было занято литовскими князьями. Таковъ составъ территоріи княжества къ концу XIV в. Наконецъ Смоленская земля была присоединена послѣ Ольгерда Витовтоу, о чемъ намъ придется сказать нѣсколько ниже.

Смоленская
земля.

Характеръ го-
сударства.

Образовавшееся государство въ своемъ складѣ имѣло нѣкоторыя оригинальныя черты. Князья довольствовались только внѣшнимъ признаніемъ литовскаго суверенитета, отнюдь не посягая на самостоятельность народной жизни. Каждая изъ составныхъ частей продолжала жить своею жизнью, такъ что связь между отдѣльными землями и княжествами была чисто внѣшняя; въ общемъ, по своему устройству, сформировавшійся политическій организмъ напоминалъ собою федерацію областей, спаянныхъ съ центромъ очень некрѣпкими узами, могущими порваться при первой возможности. Кромѣ того, въ молодомъ Литовскомъ государствѣ литовцы составляли ничтожное меньшинство, расплывавшееся среди моря русскаго населенія.

Двойственный національный составъ государства въ послѣдствіи имѣлъ огромное вліяніе на жизнь Литовскаго государства, которое справедливѣе называть Литовско-русскимъ.

Вліяніе Руск.

Включеніе въ составъ молодого политическаго организма группы русскихъ волостей имѣло огромныя культурныя слѣдствія. Воинственная Литва была ниже русскихъ въ культурномъ отношеніи, и первый періодъ въ жизни Литовско-русскаго государства можно отмѣтить, какъ моментъ наибольшаго вліянія русскои культуры. Сами князья называютъ себя литовскими и русскими, тѣмъ самымъ признавая вліяніе и значеніе русскои національности. Среди литовцевъ начинается дѣлать довольно быстрые успѣхи православная вѣра. Въ городахъ появляются православныя церкви. Князья, получавшіе удѣлы въ русскихъ областяхъ, обыкновенно принимали православіе и женились на русскихъ, и

многіе изъ литовскихъ князей стали горячими поборниками православной вѣры. И великіе князья, очень терпимые въ своей религіозной политикѣ, поддались влиянію православія. Правда, Гедиминъ оставался язычникомъ, но зато Ольгердъ, женатый на двухъ православныхъ княжнахъ (Витебской Маріи и Тверской Юліаніи), передъ смертью принялъ православіе. И Витовтъ до своего перехода по политическимъ соображеніямъ въ католичество держался православія. Нагляднымъ доказательствомъ силы русскаго влияния служитъ употребленіе русскаго языка въ государственныхъ актахъ того времени, да и въ домашнемъ обиходѣ князей и литовской знати русскій языкъ замѣнялъ родной. Конечно, русское влияніе сказалось и въ области права,—русскіе юридическіе нормы и обычаи впослѣдствіи вошли въ Статутъ, а до этого времени обычное литовское право измѣнялось подъ непосредственнымъ влияніемъ русскаго права.

II. Удѣльный періодъ (княжескія отношенія).

Первые литовскіе князья не нарушали уста-^{Удѣлы воевъ Гедимина.} новившагося на Руси правопорядка. Представители литовской объединительной политики должны были привароваться къ существовавшимъ политическимъ отношеніямъ, и поэтому не разрушать удѣльный правопорядокъ, а наоборотъ поддерживать его и укрѣплять. Вотъ почему Гедиминъ раздѣлилъ еще при жизни свое государство между братомъ и своими сыновьями. Полоцкъ получилъ братъ его Воишъ, Моввидъ—часть Черной Руси съ городомъ Слонимомъ и въ собственно Литвѣ городъ Керновъ на рѣкѣ Виліи. Вся остальная Черная Русь съ старой столицей Новгородкомъ досталась Коріату. Ольгердъ владѣлъ Витебскимъ княжествомъ, а въ собственно Литвѣ областью съ городкомъ Крево и землями до рѣки Березины. Кейстутъ получилъ Троки, Жмудь, Гродно и Берестіе, а Любартъ остался на Во-

лыни. Самый младшій изъ сыновей, Явпутій, не имѣвшій при жизни отца удѣла, остался съ матерью въ стольномъ городѣ Вильнѣ и владѣлъ Браславлемъ, Вилькомиромъ и Огименою. Однако такое распределение волостей недолго удержалось. Ольгердъ, какъ наиболѣе активный изъ сыновей Гедимина, прогналъ Явпута изъ Вильны, и Литовское государство фактически раздѣлилось на двѣ половины: западную и восточную. Во главѣ первой сталъ Кейстуть, а во главѣ второй части—собственно Литвы, западной и юго-западной Руси, Ольгердъ. Такое дѣленіе соответствовало стратегическому положенію государства. Въ Жмуди Кейстуть велъ неустанную борьбу съ нѣмцами, а на востокъ преслѣдовалась объединительная политика. Кейстуть въ сферѣ своей политической дѣятельности былъ вполнѣ самостоятеленъ; его удары нѣмцамъ поднимали авторитетъ Литовскаго государства, но великокняжескій суверенитетъ оставался теоретически въ рукахъ Ольгерда, какъ наиболѣе сильнаго изъ всѣхъ удѣльныхъ князей *).

Ягайло великій князь.

Послѣ смерти Ольгерда территорія государства раздѣлилась между его сыновьями, получившими свои удѣлы еще при жизни отца. Старшимъ въ родѣ оставался Кейстуть, а старшимъ сыномъ Ольгерда былъ Андрей, княжившій въ Полоцкѣ. Однако ни тотъ ни другой не получили великокняжескаго престола. Великимъ княземъ, по желанію отца, сталъ Ягайло, сынъ отъ второй жены Юліаніи Тверской. Кейстуть призналъ верховенство своего племянника, но добрыя отношенія между дядей и племянникомъ продолжались недолго. Ягайло боялся Кейстута и, чтобы отъ него отдѣлаться, вступилъ въ сношенія съ стариннымъ врагомъ Литвы—Ливонскимъ орденомъ. Тогда Кейстуть захватываетъ Вильну и прогоняетъ своего племянника. Между дядей и племянникомъ воз-

*) Когда умеръ Монавидъ то его удѣлъ былъ подѣленъ между Ольгердомъ и Кейстутомъ: первый взялъ Керновъ, второй Слонимъ.

горѣлась борьба. Удѣльные князья стали на сторону Кейстута, часть—на сторону Ягайлло. Поэтому, когда Кейстутъ былъ убитъ, и Ягайлло вокняжился въ Вильнѣ, произошло перераспределеіе княжествъ между князьями. Ягайлло соединилъ въ своихъ рукахъ Витебскъ, Минскъ, Мстиславъ и Новгородъ, не говоря о собственно Литовской землѣ и Жмуди. Многие изъ князей были согнаны. Витовтъ лишился отцовскаго удѣла, часть котораго, Городенскую и Берестейскую землю, получилъ только впоследствии. Троицкое же княжество было отдано Скиргайлу Ольгердовичу.

Такимъ образомъ, въ преемствѣ великокняжскаго стола нельзя подмѣтить никакого опредѣленнаго порядка, никакой системы. Престоль обыкновенно доставался въ руки сильнѣйшаго князя. Литовское государство представляло изъ себя рядъ отдѣльныхъ княженій, подчиненныхъ великому князю; въ рукахъ послѣдняго находилась довольно большая территория, составлявшая его удѣлъ, который онъ постоянно пытался увеличить. Размѣры этого удѣла давали великому князю средства держать въ подчиненіи себѣ удѣльныхъ князей. Отношенія послѣднихъ къ в. князю опредѣлялись въ княжескихъ договорахъ и присяжныхъ грамотахъ, и фактически все сводилось къ обѣщаніямъ вѣрной службы и военной помощи, когда послѣдняя понадобится отъ нихъ. Гедиминоичи не церемонились съ удѣльными князьями, произвольно лишая то тѣхъ, то другихъ ихъ владѣній, присоединяя послѣднія къ своей вотчинѣ и превращая князей въ высшій разрядъ землевладѣльческаго класса въ Литвѣ. Окончательный ударъ удѣльному правопорядку былъ нанесенъ вел. княземъ Витовтомъ.

Мажданякскіе отношенія

Въ 1386 г. совершилось для Литвы событіе перво-степенной важности. Великій князь Ягайлло заключилъ унію съ Польшей. Унія была встрѣчена въ собственно Литвѣ враждебно, въ особенности въ средѣ литовскаго боярства. Выразителемъ мнѣній и желаній послѣдняго явился сынъ Кейстута, Витовтъ, которому удалось ут-

Разрешеніе удѣльнаго строе Витовтъ.

вердиться на литовскомъ великокняжескомъ столѣ и договорами опредѣлить свои отношенія къ Польшѣ. Все государственное Витовта сводится къ упорной и продолжительной борьбѣ съ удѣльными князьями, а внѣшнее положеніе Литвы—борьба на три фронта съ поляками, нѣмцами и Москвой—требовало болѣе сильной государственной власти, что и опредѣлило разрушеніе удѣльнаго строя. Къ тому же Витовтъ, выступая, какъ представитель національной независимости Литвы, не встрѣтилъ въ этомъ отношеніи поддержки со стороны удѣльныхъ князей, для которыхъ отдаленность Ягайлы, жившаго въ Польшѣ, болѣе соответствовала ихъ реальнымъ интересамъ, чѣмъ близость Витовта. Уничтожая удѣлы и посылая туда своихъ намѣстниковъ, Витовтъ въ тоже время старался подчеркнуть, что его стремленіе связать земли болѣе крѣпко съ центральнымъ правительствомъ отнюдь не касается ихъ внутренней автономіи, закрѣпленной при немъ уставными грамотами.

Борьба Витовта съ удѣльными князьями началась съ Полоцка, откуда онъ прогналъ Скиргайлло. Уже при Ягайлѣ, до его примиренія съ Витовтомъ въ 1392 г., Андрей полоцкій былъ прогнанъ со своего стола и замѣненъ братомъ Скиргайлло, а затѣмъ такая же участь постигла Федора Любартовича, у котораго Ягайлло отобралъ Луцкую землю, передавъ ее Витовту. Другая же часть владѣній Любартовича, Бельско-Холмская земля, стала польскою провинціей, такъ какъ была присоединена къ Галиціи. Пока за Федоромъ оставалась только Владимірская земля. Съ 1392 г. борьбу съ князьями ведетъ уже Витовтъ. Скиргайлло пришлось проститься съ Полоцкомъ, Троцкимъ княжествомъ, куда былъ посланъ велико княжескій намѣстникъ. Самъ же Скиргайлло получилъ небольшія владѣнія въ Луцкой землѣ и Кіевщинѣ. И Витебская земля, сначала принявшая Свидригайлла своимъ княземъ, въ

концѣ концовъ должна была принять намѣстника изъ рукъ великаго князя.

Затѣмъ наступила очередь князей южно-русскихъ. Ольгердъ
 Была отобрана Владимірская земля отъ Федора Любартовича, Новгородъ-Сѣверскій отъ Корибута—за непризнание Витовта великимъ княземъ, былъ прогнанъ изъ Кіева Владиміръ Ольгердовичъ, сыновья Коріата Гедминовича за непослушаніе были лишены своихъ владѣній въ Подольской землѣ. Правда, прогнанные князья получили владѣніе въ другихъ волостяхъ: такъ Федоръ Любартовичъ въ Сѣверщинѣ, Скиргайлло въ Кіевщинѣ, Свидригайлло, главный противникъ Витовта, получилъ княжество въ Черниговской землѣ; но эти владѣнія они получили во временное владѣніе, до господарской воли. Изъ князей отчичей, со всей полнотой княжескаго суверенитета, они превращались въ слугъ великаго князя съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ княжескихъ правъ. Что касается части Подолья—именно Поднѣстровья, то Витовтъ отдалъ ее Ягайлло. Эта временная отдача стала впоследствии яблокомъ раздора между поляками и литовцами. Для поляковъ это былъ историческій прецедентъ, доказывающій присоединеніе Подолья къ Польшѣ, хотя при отдачѣ Подолья Ягайллѣ, видимо, не было и рѣчи о государственно-правовомъ положеніи Подолья, и вся сдѣлка носила временный и личный характеръ.

Такъ при Витовтѣ исчезла самостоятельность удѣльных княжествъ; и Витовтъ могъ быть доволенъ результатами своей политики. Дарованіе же областямъ уставныхъ грамотъ являлось лучшимъ приемомъ удержанія въ вѣрности населеніе областей: Несомнѣнно, всѣ области получили уставныя грамоты, впоследствии подтвержденныя при дальнѣйшихъ литовскихъ князьяхъ: Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ. Сами же оригиналы привилеевъ не сохранились: такъ, витебская грамота сгорѣла при пожарѣ, а другія исчезли иными путями. Земскія
уставныя гра-
моты.

Земскія уставныя грамоты, коими закрѣпляются существующія мѣстныя юридическіе обычаи и нормы, являются документомъ первостепенной важности, дающимъ возможность изучить не только законы, регулирующія мѣстную жизнь, но и вообще понять социально-политическую эволюцію въ строеъ русскихъ и литовскихъ земель.

Соціальная
графа.

Судя по грамотамъ, уже при Витовтѣ не можетъ быть и рѣчи объ однообразіи структуры литовско-русскаго общества. Въ части земель уже бросается въ глаза раннее развитіе сословности, и тогда уставная грамота является скорѣе обще-земскимъ шляхетскимъ привилеемъ. Это можно сказать относительно Кіевской и Волынской уставныхъ грамотъ, гдѣ сословность строя, въ особенности въ послѣдней, является рѣзко выраженной. Что касается остальныхъ грамотъ, а именно Полоцкой, Витебской, Смоленской и Жмудской,—онѣ несомнѣнно всесословнаго характера, и всесословность строя даже не была еще разрушена шляхетскими привилеями XV в. Конечно, въ этихъ земляхъ уже складывались тѣ общественные элементы, которые явятся основой сословнаго строя. Несомнѣнно, во всѣхъ этихъ земляхъ видную роль играютъ бояре—это *reguli, nobiles, die edelsten* нѣмецкихъ хроникъ, а съ XIV в., подъ влияніемъ русскои терминологіи, *die edelsten baioren, die bestin, bajoren, baiori et meliores patriae*.

Бояре.

Въ большинствѣ случаевъ это только представители крупнаго землевладѣнія. Бояре раздѣляются на бояръ великихъ и младшихъ. Положеніе всѣхъ этихъ элементовъ опредѣлялось не нормой закона, а сравнительной матеріальной обеспеченностью, опредѣлявшей и политическое положеніе боярина. Званіе его не было наследственнымъ, а въ наследственности главное отличие боярства отъ позднѣйшаго шляхетства. Кромѣ того, боярство не было замкнутомъ классомъ: боярство наполнялось разными элементами, а замкнутость—тоже принадлежность шляхетства. Но боярство не было сосло-

віемъ, которое пользовалось правами, отличными отъ другихъ общественныхъ группъ. Къ этимъ элементамъ надо прибавить мелкопомѣстныхъ людей, бывшихъ на службѣ у князей и частныхъ землевладѣльцевъ, — это слуги и, наконецъ, специалистовъ въ военномъ дѣлѣ — дружину, *milites*.

III. Уставныя грамоты и областныя собранія.

Уставныя грамоты XIV—XVI в.в. не отличаются единствомъ плана и построения, но изученіе текста грамотъ даетъ возможность установить, что имѣлъ ввиду законодатель, выдавая грамоты. Если взять всѣ грамоты въ совокупности, то видно, что имѣлось въ виду при ихъ составленіи: 1) подтвержденіе правъ церкви и духовенства 2) огражденіе личныхъ правъ всего свободного населенія земли 3) обезпеченіе его имущественныхъ правъ 4) привиллегіи шляхты, духовенства и отчасти мѣщанъ 5) подтвержденіе основныхъ правъ земли и ея самоуправленія 6) финансовыя платежи 7) закрѣпленіе мѣстныхъ гражданскихъ и уголовныхъ нормъ. Конечно, въ однихъ грамотахъ одни вопросы детализированы, — о другихъ законодатель счелъ возможнымъ говорить кратко. Но въ общемъ тенденція одна: „з ласки господарской“ сохранить старину въ неприкосновенности, закрѣпить социальный, политическій и правовой порядокъ выработанный вѣками въ Жмуди и русскихъ земляхъ. Каждая грамота разсматриваетъ область-землю, какъ отдѣльное государство, связанное государственными узами съ литовскими великими князьями. Отсюда обѣщаніе великаго князя не жаловать никого волостями и городами и, въ частности, воеводъ по частному праву (Полоцкая и Витебская гр.).

Литовскіе князья осуществляютъ свою власть при посредствѣ намѣстниковъ. Въ Жмудской землѣ они назывались старостами въ другихъ земляхъ — воеводами. Населеніе принимаетъ участіе въ назначеніи намѣстниковъ (Витебская, Полоцкая, Жмудская грам.); неугоднаго насе-

Содержаніе
установить
грамоты

Выборъ
должностныхъ
лицъ.

ленію намѣстника великій князь обѣщаетъ отстранять отъ должности— „ино намъ имъ воеводу иного дати по ихъ воли“. И это не было только словами. Кромѣ того, въ Жмуди и населеніе принимало участіе въ назначеніи тивуновъ: великій князь обѣщаетъ давать имъ только тѣхъ тивуновъ, „которыхъ бы они собѣ обрали, альбо хотѣли обратъ съ своихъ повѣтовъ, або которыхъ бы у насъ просили“. Собственно, тоже было въ земляхъ Смоленской и Кіевской, вѣроятно, и въ Волынской. Все волостное управленіе находилось въ рукахъ мѣстнаго боярства. Въ Смоленской и Кіевской земляхъ оно распредѣлялось между боярами погодно; остается неяснымъ только самый процессъ замѣщенія должностей. Можно сказать, что провинціальное управленіе было въ рукахъ туземцевъ подъ высшимъ контролемъ княжескаго намѣстника. Впрочемъ, частью области управлялъ воевода при посредствѣ своихъ тивуновъ (Жмудь).

Судебная
власть воево-
да

Въ рукахъ воеводъ и старостъ сосредоточивалась и судебная власть, но только ей ставились нѣкоторыя существенныя ограниченія. Судъ производится на мѣстѣ. Обращеніе къ господарю въ Литву—недопустимо (Полоцкая, Витебская). Воеводскія судебныя рѣшенія считаются окончательными, если приговоръ вступилъ въ силу (Полоцкая, Витебская). Судить воевода не одинъ, „а досмотрѣвши права съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны“ (Полоцкая, Витебская), „съ околыничими и иными врядниками“ (Смоленская). По Волынской грамотѣ, воевода „маеть при собѣ посадити князей и пановъ и землянь—тежь маеть его судити“. Это охранители мѣстнаго обычнаго права. Воевода и старосты являются первой инстанціей въ разборѣ уголовныхъ дѣлъ: кгвалтъ, шляхетская рана, поджогъ. По гражданскимъ дѣламъ возможенъ разборъ дѣла непосредственно передъ государемъ, въ качествѣ первой инстанціи (Волынская). Населенію областей гарантируется личная безопасность: наказывать можно только по суду

Права населе-
нія.

(явною судъ христіанскомъ), никто не можетъ быть лишенъ имѣнія иначе, какъ только по суду. Населеніе имѣетъ право обращаться къ верховной власти съ челобитьями (Полоцкая, Витебская). Всякій имѣетъ право выѣзда изъ своей земли „чоломъ ударивши и нашему воеводѣ объявився и своей братьи“— „ино ему путь чистъ, куды хто хочетъ, безъ каждоу зачекки“ (Полоцкая, Витебская). Грамоты обезпечивали старинное процессуальное право, торговый судъ, личность и имущество отъ притѣсненій мѣстной администраціи и опредѣляли обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей и повинностей (Полоцкая, Витебская, Смоленская), опредѣляли права шляхетства (Волинская, Кіевская). Съ ними намъ придется еще встрѣтяться.

Уставныя грамоты говорятъ объ активной политической жизни областей. Факты послѣдующаго и болѣе ранняго періода являются прекрасной иллюстраціей къ характеристикѣ уставныхъ грамотъ. Источники даютъ возможность установить функционированіе областныхъ собраній — вѣчъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Волини. Въ собственно Литвѣ областныя собранія практиковались до половины XV вѣка: такъ, Судебникъ 1468 г. былъ составленъ на всесословномъ вѣчѣ, „со всемъ поспольствомъ согадавши“, а въ Жмуди до конца XV столѣтія. Составъ такихъ собраній далеко не одинаковъ. На Волини и въ Кіевѣ они уже имѣли печать рѣзко выраженной сословности. Функционирующее вѣче всегда выступаетъ, какъ верховный распорядитель земли. На вѣчахъ замѣтна партійная борьба „лучшихъ и меньшихъ“ людей. Эта борьба — специфическое достояніе всѣхъ вѣчъ. Фактическія отношенія между двумя этими элементами были слѣдующія: „меньшіе межъ себе раду чинятъ, а старшіе науку даютъ“.

Впрочемъ, такія отношенія по существу были только въ идеалѣ. Временами партійная борьба требовала вмѣшательства власти, и ничѣмъ инымъ, какъ только пар-

тѣйной борьбой, можно объяснить посылку грамоты въ Полоцкъ въ 1456 г. съ тѣмъ, чтобы мѣстные бояре, мѣщане, дворяне городовые и все поспольство были между собою въ згодѣ, а дѣла бы наши городскія вершили всѣ съ общаго согласія: „по давнему сымались бы (собирали сеймъ) всѣ вмѣстѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна собирались, а безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и чернымъ людямъ сеймовъ не надобѣ чинити“. И въ Смоленской землѣ эта партійная борьба рѣзко бросается въ глаза, въ особенности въ половинѣ XV в., въ моментъ сепаратистскаго движенія, охватившаго русскія волости. Самыя просьбы о подтвержденіи грамотъ могли быть сформулированы только на сословномъ или всесословномъ вѣчѣ. Даже въ XVI в., когда сословность въ общественныхъ отношеніяхъ пустила уже глубокіе корни, всесословность собраній еще не исчезла. Полоцкъ „по старому справоваль, якъ Великій Новгородъ и Псковъ“.

IV. Литовско-польскія уніи и литовское общество.

Вѣдѣние о-
роченіе Лит-
вы и Польши

Первая унія Литвы съ Польшей есть результатъ довольно своеобразной политической комбинаціи, задуманной поляками ввидѣ выхода изъ создавшагося въ XIV в. международнаго положенія дѣлѣ. Литва и Польша были сосѣди и одинаково чувствовали свое стѣсненное положеніе. На Литву напирала нѣмцы; литовскіе князья, занятые внутренними дѣлами, не проявляли особенной активности по отношенію къ нѣмцамъ, дѣлавшимъ систематическіе набѣги на пограничныя литовскія земли. Разореніе послѣднихъ было полное, и Ягайлло, чтобы развязать себѣ руки на западѣ, уступилъ даже ордену Жмудь. Но и цѣною уступки части территоріи миръ не былъ купленъ: набѣги попрежнему продолжались. Положеніе поляковъ было вѣсколько другое, но тоже не изъ блестящихъ. Тѣ же нѣмцы загородили выходъ на западъ. Территорія Польши значительно сократилась: она потеряла Силезію и По-

морье, и Людовику Венгерскому (1370-1382) при избраніи на польскій престолъ было поставлено въ видѣ условія возвращеніе Поморья. Впрочемъ, Людовикъ не думалъ объ исполненіи своего обязательства, приковавъ свое вниманіе къ южнымъ границамъ государства: Галицко-Волинская земля и Подолье были очень богатыми землями, лежащими на большомъ торговомъ пути. Раздобыть ихъ для Людовика было важнѣе: это расширало территорію его государства и упрочивали положеніе его династіи въ Венгріи. Борьба это была старая; фактически Галиція была въ польскихъ рукахъ, но Людовику, ссылавшемуся на то, что венгерскіе короли никогда не отказывались отъ Галиціи и считали себя государями, удалось отобрать ее отъ Польши, включить въ составъ венгерскаго королевства и тѣмъ лишить Польшу всѣхъ приобрѣтеній, достигнутыхъ Казиміромъ Великимъ. Только въ 1377 г. Ядвигъ и малопольскимъ панамъ удалось отобрать ее отъ венгерцевъ, но на Галицію и Волынь заявляли притязаніе литовцы. Добровольно литовцы не отдадутъ русскихъ земель; борьба съ ними подъ натискомъ нѣмцевъ не входила въ польскіе планы, и поэтому польскіе дипломаты придумали мирное разрѣшеніе вопроса въ видѣ женитбы Ягайлы на Ядвигъ. Такова сущность придуманной политической комбинаціи. Къ предложенной комбинаціи Ягайлло отнесся сочувственно. Съ Ядвигой не особенно считались. Начались взаимные переговоры, кончившіеся заключеніемъ уніи въ 1385 году въ Кривѣ.

Условія соединенія 1385 г. явились только полити-^{Кривскан}ческой деклараціей и въ жизни не осуществились, но въ нихъ собственно заключается вся политическая программа польской дипломатіи, неуклонно ею проводимая, хотя реализированная только въ 1569 году.

Условія Кривскаго акта были неприятны и тяжелы для національнаго самолюбія литовцевъ. Ягайлло обязывается креститься въ католическую вѣру и крестить своихъ братьевъ, бояръ и свой народъ; вернуть отоб-

ранняя отъ Польши и Литвы земли, заплатить 200 тысячъ флориновъ неустойки бывшему жениху Ядвиги, отдать свои деньги на нужды Польши и, самое главное, „на вѣчныя времена присоединить къ Польщѣ свои литовскія и русскія земли“. Такимъ образомъ, завѣтной мыслью была инкорпорация. Кревскій актъ былъ подписанъ самимъ Ягайллою и его братьями, за себя и за неприсутствовавшихъ удѣльныхъ князей. Если понимать точно смыслъ этого акта, то послѣ коронаціи Литва прекращаетъ свое существованіе, какъ самостоятельное государство, и литовско-русскія земли ннзводятся до положенія польскихъ провинцій. Послѣ коронаціи Ягайлло потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присягу въ вѣрности польской коронѣ, за себя и за своихъ дѣтей, съ условіемъ никогда отъ нея не отступаться. Они выдали ему присяжныя грамоты. Впрочемъ, не всѣ присяжныя грамоты строго идентичны по содержанию. Въ части грамотъ не говорится о вѣрности и послушаніи королю польскому и его женѣ, „велебной госпожѣ Ядвигѣ“; упоминается только про помощь и обѣщаніе никогда не покидать Польшу, не отдѣляться отъ Польши и не искать себѣ другого государя. Во всякомъ случаѣ, полное молчаніе о Литвѣ характерно для этихъ грамотъ, еще разъ подчеркивающихъ превращеніе Литовскаго княжества въ польскую провинцію.

Условія Кревской уніи не были осуществлены. Пока говорить объ инкорпорации было нѣсколько преждевременно, и на дѣлѣ Кревскую унію можно отнести къ разряду такъ называемыхъ личныхъ уній и не болѣе, но за то культурныя послѣдствія уніи огромны, и съ ними приходится очень и очень считаться.

Литва и ризь.

Династическія планы Ягайллы были встрѣчены въ Литвѣ съ негодованіемъ. Условій уніи не признала часть удѣльныхъ князей и крупная знать. Слишкомъ былъ непопуляренъ актъ, говорившій о полной инкорпорации Литвы. Литовское боярство, конечно, объ этомъ не думало, разсматривая создавшіяся отношенія между Лит-

вой и Польшей, какъ личную унию, а объ отказѣ отъ своей національной самобытности не могло быть и рѣчи.

Выразителемъ охватившаго страну негодования явился Витовтъ, вступившій въ борьбу съ Ягайлой за національную независимость Литвы. Боярство его усиленно поддерживало, и это заставило Ягайлу пойти на уступки, въ результатъ которыхъ и явилось Островское соглашеніе 1392 года. Новая униа радикально расходилась съ актомъ 1385 года. Въ ней нѣтъ упоминанія объ инкорпорации Литвы; Витовтъ признавался великимъ княземъ стола, „на которомъ сидѣлъ дядя Ольгердъ и отецъ Кейстутъ“. Отъ Витовта потребовали только присягу „никогда не покидать королевы и короны польской“. Послѣ смерти Витовта всѣ его владѣнія переходятъ къ королю и его преемникамъ и коровѣ Польской, за исключеніемъ части земель, отданныхъ брату Сигизмунду и записанныхъ женѣ въ видѣ вѣна. Витовтъ, какъ великій князь, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго господаря, но фактически его дѣйствія самостоятельны: онъ стоняетъ удѣльныхъ князей съ ихъ столовъ, принимаетъ отъ нихъ присягу, назначаетъ на должности. Конечно, это было не то, о чемъ мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя и временно, съ новымъ положеніемъ дѣла. Для литовцевъ условія Островскаго соглашенія можно считать отчасти приемлемыми: они гарантировали Литвѣ автономный государственный режимъ и даже не безъ выгоды, такъ какъ обезсиленное княжество въ лицѣ Польши приобрѣтало сильнаго союзника. Въ концѣ XIV вѣка пошатнулось международное положеніе Витовта: его агрессивныя дѣйствія противъ татаръ кончились крупною неудачей. На рѣкѣ Ворсклѣ (1399) литовцы были разбиты; гибель большой части военно-служилаго класса ослабляла боевую готовность Витовта; къ тому же среди удѣльныхъ князей замѣчалось оппозиціонное теченіе. Поляки нашли этотъ моментъ очень подходя-

щимъ для возобновленія переговоровъ объ уніи. Витовтъ, не чувствуя себя въ состояніи противодѣйствовать планамъ поляковъ, согласился подписать новый трактатъ объ уніи.

Уніа 1401 г.

Условія уніи нѣсколько расходились съ предшествовавшими трактатами, и хотя въ нѣкоторомъ отношеніи были неприяты для національнаго самолюбія, но съ этимъ пока пришлось примириться. Въ грамотахъ, выданныхъ отъ имени Витовта, князей и бояръ, давалось торжественное обѣщаніе помогать полякамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заботиться объ ихъ интересахъ и послѣ смерти Витовта не искать никакого государя, помимо польскаго короля. Такія же обязательства давали и поляки по отношенію къ Литвѣ: въ случаѣ смерти Ягайлы не избирать новаго короля безъ согласія Витовта и литовцевъ. Новая унія признала за Литвой извѣстнаго рода самостоятельность, хотя бы и связанную съ именемъ только Витовта, и поставила ее въ союзныя отношенія къ Польшѣ. Конечно, и такая постановка вопроса противорѣчила планамъ польской дипломатіи. Новый актъ уніи былъ подписанъ князьями и боярами. Поляки не довольствуются уже подписями нѣсколькихъ удѣльныхъ князей; учитывая значеніе литовскаго боярства, поляки пожелали взять отъ нихъ подписи въ видѣ гарантіи по исполненію условій уніи 1401 г. Помимо этого, литовскіе князья снова выдали Ягайлѣ присяжныя грамоты. Поляки и послѣ уніи 1401 г. не довѣряли Витовту, и послѣднему приходилось по нѣскольку разъ выдавать Ягайлѣ присяжныя грамоты, въ которыхъ лишній разъ подчеркивалась политическая зависимость Витовта отъ Ягайлы. Впрочемъ, обстоятельства скоро стали складываться не въ пользу Польши. Витовту удалось упрочить свое положеніе, принявъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всякаго рода международныхъ дѣлъ. Подъ Грюнвальдомъ ему удалось нанести рѣшительное пораженіе Ливонскому ордену, отомстивъ однимъ ударомъ

за прежніе набѣги на Литву. При такомъ положеніи дѣла условія уніи, признававшія за Литвой право на самобытный государственный режимъ только до смерти Витовта, не соответствовали положенію, и Литва явно стремится къ разрыву, сознавая свою силу и значеніе.

Поляки поэтому снова начинаютъ переговоры объ уніи, и въ 1413 г. собрались на съѣздъ въ Городлѣ на Бугѣ, на ^{Городельскій} ^{уни 1413 г.} которомъ присутствовала литовская знать и военно-служилый классъ. Городельскій съѣздъ возобновилъ унію, но ея условія рѣзко расходятся съ содержаніемъ предыдущихъ союзныхъ договоровъ. Трактатъ 1413 года признавалъ за Литвой право на самобытный государственный режимъ. Литва и впредь будетъ имѣть своего особаго государя, которому польскій король делигируетъ свою власть. При этомъ ставилось условіемъ, что послѣ смерти Витовта бароны и шляхта никого не будутъ имѣть и не изберутъ великимъ княземъ литовскимъ, помимо того, кого имъ дастъ Ягайлло или его преемники по совѣту съ польскими и литовскими прелатами и баронами. Съ другой стороны, польскій король избирается съ вѣдома и участія Витовта и бояръ княжества.

Правда, въ трактатѣ есть статьи, упоминающія о болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ, но эти заявленія, противорѣчащія другимъ статьямъ трактата, конечно, не имѣли никакого реального значенія. Поляки при заключеніи уніи учли значеніе боярства, взявъ отъ него особую записку, въ которой лишній разъ подчеркивались союзныя обязательства Литвы къ Польшѣ. Такую же записку выдали поляки литовцамъ. Такимъ образомъ, унія 1413 г. значительно измѣнила содержаніе трактата 1401 г.: Литва и послѣ смерти Витовта будетъ имѣть отдѣльнаго государя, связаннаго союзными отношеніями съ Польшей.

Литовскіе сепаратисты въ 1413 году одержали большую дипломатическую побѣду. Но политическая мысль Витовта и боярства рисовала себѣ иныя перспективы. Витовтъ и боярство задумали короновать великаго князя ^{Проекты коро-} ^{націи.}

короной, еще разъ въ торжественной обстановкѣ заявивъ о реальной самобытности Литвы. Воплиъ понятно, что поляки всполошились, узнавъ о предполагаемой коронаціи, тѣмъ болѣе, что въ этихъ планахъ принималъ активное участіе Сигизмундъ венгерскій, старинный соперникъ Польши.

Ягайлло посылалъ пословъ къ Витовту по поводу коронаціи. Но его противодѣйствіе не имѣло никакого вліянія, и Витовтъ лѣтомъ 1429 г. формально заявилъ, что если Ягайлло не прибудетъ на коронацію, то онъ коронуется и безъ него. Чтобы отклонить Витовта отъ этого плана и сохранить унію, Ягайлло и паны предлагали ему польскую корону, такъ какъ Ягайлло готовъ былъ отречься отъ трона. На Витовта это предложеніе не произвело никакого впечатлѣнія, и къ коронаціи постарому шли приготовления. Однако коронація не состоялась: отложенная въ первый разъ, она вторично не могла состояться за смертью Витовта въ 1430 г.

Итакъ, первый періодъ въ литовско-польскихъ отношеніяхъ не оправдалъ надеждъ польской дипломатіи. Литовское боярство сумѣло отстоять свою политическую самобытность, несмотря на внѣшнія обстоятельства, невсегда укладывавшіяся для Литвы благоприятно.

V. Національно-политическая борьба въ XV в. и судьба уніи.

Заклучивъ унію съ литовцами, поляки не добились своей цѣли—„вѣтленія“ въ польскій государственный организмъ Литвы. По крайней мѣрѣ, во все время „навананія“ Витовта объ этомъ не могло быть и рѣчи. Но зато результаты уніи довольно скоро сказались на религіозно-культурномъ бытѣ литовцевъ. Согласно уніи 1386 г., Ягайлло принялъ самъ католицизмъ и обѣщалъ крестить свой народъ. Крестились въ общемъ неохотно,

и литовское боярство оставалось вѣрно вѣрѣ предковъ. И привиллеи Ягайлла пока не давали существенныхъ результатовъ. Политика Ягайлла въ общемъ была очень благоприятна по отношенію къ католицизму. По существу таковой оставалась и политика Витова. Католицизмъ началъ дѣлать большіе успѣхи послѣ уніи 1413 года, когда католики-бояре и шляхта получили рядъ правъ и преимуществъ.

Вмѣстѣ съ католицизмомъ прививалась въ Литвѣ и польская культура, правда, захватывая пока только высшіе классы. Польская культура столкнулась съ русской, и побѣдительницей должна была оказаться та культура, на чью сторону стаетъ правительство. Въ Литвѣ наступилъ періодъ борьбы культурныхъ вліяній. Это не было мирное соревнованіе двухъ культуръ, благодаря которому лучше всего выясняется сила и значеніе той или другой изъ нихъ. Подъ натискомъ польской культуры русской пришлось отступить и не потому, что она была ниже по своимъ качествамъ. Къ культурной борьбѣ надо присоединить и борьбу національную, совпадавшую съ первой и являвшуюся слѣдствіемъ тѣхъ отношеній, въ которыя стала господствующая народность—литва къ русской національности, составлявшей $\frac{1}{10}$ всего населенія въ княжествѣ. Антагонизмъ русской и литовской національностей уже предрѣшилъ привиллеи 1413 г., образовавшій литовско-католическую аристократію и закрѣпившій за ней значеніе не только землевладѣльческаго, но и правящаго класса. Согласно привиллею, всѣ высшія должности, установленныя по польскому образцу—воеводы, каштеляны—могли даваться только литовцамъ-католикамъ. Они же составляли при князѣ и особый совѣтъ—раду. Благодаря привиллею 1413 г., литовская народность заняла господствующее положеніе въ государствѣ. Оно особенно рѣзко выразилось въ борьбѣ Витовта за самостоятельность в. кн. Литовскаго. Привиллегированное положе-

Борьба про-
скаго и поль-
скаго вліяній.

ніе литовской народности пробуждало соответствующее чувство недовольства среди русскихъ. Борьба земель аннексовъ съ собственно Литвой намѣчалась уже при Витовтѣ, но ему кое-какъ удавалось держать въ равновѣсіи враждующія силы. Положеніе Витовта было тѣмъ затруднительнѣе, что за спинами русскихъ скрывались враждебные Витовту удѣльные князья, не желавшіе помириться съ потерей своего прежняго политическаго значенія. Антагонизмъ двухъ народностей, къ которому присоединился и сепаратизмъ удѣльныхъ князей, сейчасъ же вскрылся послѣ смерти Витовта. Поляки и литовцы, конечно, были взволнованы смертью Витовта. Обѣ стороны надѣялись учестъ это явленіе въ выгодную для себя сторону. Ни та ни другая сторона и не думали объ исполненіи соответствующихъ статей Городельскаго акта. Впрочемъ, поляки въ своемъ отрицаніи Городельской уніи могли опереться на предсмертное заявленіе Витовта о возвращеніи обратно Ягайлу полученнаго отъ него великаго княжества. Благодаря этому заявленію, Литовское государство снова утрачивало свою самобытность, и создавалось весьма неблагоприятное для литовцевъ положеніе дѣль въ духъ Кревской уніи 1385 г. Конечно, литовское боярство должно было найти выходъ изъ создавашагося положенія. Но само по себѣ оно всетаки было слишкомъ слабо, чтобы дѣйствовать рѣшительно. Это и опредѣлило сближеніе литовскаго магнатства съ русскими князьями и боярами. Сбравшись все вмѣстѣ на съѣздъ, они, вопреки акту 1413 г., безъ согласія Ягайлы и польскихъ пановъ избрали брата Ягайлы, Свидригайлу, великимъ княземъ. По словамъ современника, выборъ былъ единодушнымъ, и по своимъ свойствамъ онъ рѣшительно удовлетворялъ и Литву и Русь. Литва симпатизировала Свидригайлѣ, какъ убѣжденному противнику уніи. Возведя его на престолъ, литовскіе магнаты могли надѣяться встрѣтить въ великомъ князѣ силу, которая будетъ въ состояніи дать Польшѣ

соотвѣтствующій отпоръ. Для Руси—это былъ не только противникъ уни, а и защитникъ національныхъ интересовъ русскаго народа, о которыхъ начинали забывать благодаря господствующему положенію литовскаго магнатства и вліянію на него польской культуры. По существу, обѣ стороны оцѣнивали Свидригайлла съ разныхъ точекъ, фактически непримиримыхъ, и начавшееся сближеніе Литвы и аннексированныхъ земель должно было прерваться. Избраніе Свидригайлла великимъ княземъ, конечно, для поляковъ было большимъ дипломатическимъ пораженіемъ, и чтобы сохранить за Польшей хотя бы тѣнь верховной власти надъ Литвой, Ягайллѣ оставалось одно—утвердить избранника на великокняжескомъ столѣ, хотя такая политическая комбинація не предусматривалась никакими унитарными договорами.

Избраніе Свидригайллы было чревато своими послѣдствіями. Оно повело къ рѣшительному возвышенію Руси. Новый государь окруженъ русскими людьми, среди которыхъ встрѣчались и литовцы-католики. Во всякомъ случаѣ, исключительному политическому господству литовцевъ былъ нанесенъ сильный ударъ, что въ послѣдствіи было оцѣнено литовскими магнатами. Съ Польшей же Свидригайлло сразу сталъ во враждебныя отношенія. Поляки поддерживали свои старыя притязанія на Подолье. Свидригайлло съ этимъ не согласился, и между обоими братьями началась упорная и долгая борьба.

Политическая дѣятельность Свидригайллы, выдвигавшаго повсюду русскій элементъ, встрѣтила въ Литвѣ враждебное отношеніе. Литовцы боялись потерять свое первенствующее значеніе въ государствѣ, и единственнымъ для нихъ выходомъ было избраніе новаго великаго князя, который уже не измѣнитъ литовской народности. Литовцы рѣшились на государственный переворотъ, заранѣе обезпечивъ себѣ согласіе Ягайллы и польскихъ пановъ; для послѣднихъ

Послѣдствіи
избранія Сви-
дригайллы

Заговоръ на
жизнь Свидри-
гайллы и из-
браніе Сигиз-
мунда

Свидригайлло былъ опасенъ, какъ убѣжденный сепаратистъ и защитникъ Подоля отъ польскихъ притязаній. При благосклонномъ содѣйствіи Польши былъ организованъ заговоръ. Заговорщики, во главѣ съ княземъ Сигизмундомъ Кейстуовичемъ, княжившимъ въ Стародубѣ, въ сообщничествѣ другихъ литовскихъ князей и магнатовъ, напали въ городѣ Ошмянахъ на Свидригайлло, захватили въ плѣнъ его семью, а самъ Свидригайлло успѣлъ убѣжать въ Полоцкъ. Сигизмундъ отъ имени Ягайлло былъ провозглашенъ великимъ княземъ, тоже вопреки уніи 1413 г., но литовскому магнатству, подъ напоромъ враждебной Руси и другихъ союзниковъ Свидригайлло, не приходилось ждать: нужно было поскорѣе использовать создавшееся положеніе дѣлъ, даже цѣною уступокъ полякамъ. И Ягайлло рѣшилъ использовать переворотъ 1431 года въ интересахъ уніи. Имъ было послано въ Литву посольство, которому были даны большія полномочія на подтвержденіе и возобновленіе уніи обоихъ государствъ и для исправленія нѣкоторыхъ статей. Обѣ стороны съѣхались въ Гродно въ 1432 г., гдѣ и выработали новое унитарное соглашеніе.

Уніа 1432 г. Новый трактатъ признавалъ Сигизмунда пожизненнымъ соправителемъ польскаго короля. Послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ Ягайллѣ, за исключеніемъ отчинныхъ владѣній, поступающихъ въ законное распоряженіе наследниковъ Сигизмунда. Подолье уступалось Польшѣ „со всѣми мѣстами, замками и округами“. Та же судьба постигала и Волынь, но ее сначала нужно было завоевать, а потомъ думать о присоединеніи къ Польшѣ. Какъ бы уступая литовскимъ сепаратистамъ, трактатъ 1432 г. обусловливалъ присоединеніе Волыни только послѣ смерти Сигизмунда. Великій князь обязывался быть вѣрнымъ союзникомъ и защитникомъ Польши, а чтобы отнять у литовцевъ всякую надежду на самостоятельность, Сигизмунда заставили дать обѣщаніе не обольщаться ничѣмъ подго-

ворами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома и согласія польскаго короля и его преемниковъ. Союзный договоръ скрѣплялся подписями литовскихъ магнатовъ—свидѣтелей переговоровъ. Унія не предрѣшала въ будущемъ инкорпорации, такъ какъ допускала возможность избранія преемника Сигизмунду, но только при непремѣнномъ участіи обѣихъ сторонъ. Новая унія была дѣломъ рукъ литовскаго панства, испугавшагося наплыва русскаго элемента, а слѣдовательно, и потери пріобрѣтеннаго вліянія. Сравнительно съ условіями уніи 1413 г. новый договоръ былъ менѣе выгоденъ литовскому боярству; въ немъ вопросъ о литовской самобытности въ сферѣ государственныхъ отношеній былъ связанъ съ личностью Сигизмунда и носилъ, такимъ образомъ, временный характеръ, что являлось отчасти возвращеніемъ къ условіямъ третьей литовско-польской уніи. По существу, подобную политику можно считать измѣной національному дѣлу, на что магнаты рѣшились ввиду исключительныхъ обстоятельствъ: въ цѣляхъ подавленія и униженія выступившаго на историческую сцену русскаго элемента.

Литовское боярство и поляки посадили Сигизмунда Кейстутовича на великокняжескій столъ безъ вѣдома и согласія русскихъ князей и пацовъ. Ни Ягайлло, ни магнаты не были расположены считаться съ политическимъ вліяніемъ и значеніемъ русскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства заставили польскаго короля пойти на уступки, ради примиренія населенія русскихъ областей съ совершившимся государственнымъ переворотомъ: одновременно съ нимъ Ягайлло опубликовалъ новый привилей. Привилей 1432 г. уравнивалъ въ правахъ литовскую и русскую шляхту, распространяя на нее дѣйствіе привилея 1413 г. Распространеніе привилея 1413 на русскую шляхту объяснялось желаніемъ, „дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь

Привилей
1432 г.

неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, чтобы всѣ, утѣщенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣніе короля Ягайлы и его брата, великаго князя Сигизмунда“. Впрочемъ, для польской политики опубликованный привилей не могъ имѣть большого значенія: его дѣйствіе распространилось не на всѣ земли-аннексы, а только на Русь Литовскую; да къ тому же пользование правами связывалось съ принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію, которое среди русской шляхты XV в. было распространено относительно слабо. Привилей 1432 г. не отмѣнилъ соответствующихъ статей Городельскаго привилея.

Свидригайло
в Сигизмундѣ.

Земли-аннексы не признали происшедшаго переворота и оставались вѣрны Свидригайллѣ. Поддержанный знатью и удѣльными князьями, сепаратистами по убѣжденію, Свидригайлло началъ борьбу съ Сигизмундомъ, на сторонѣ котораго было крупное магнатство Литвы, Жмуди и мелкій военно-служилый классъ Подляхін, оцѣнившій значеніе привилея 1413 г. Численное превосходство было на сторонѣ Свидригайллы, зато противники лучше могли направить свои силы противъ врага.

Во время хода военныхъ дѣйствій Свидригайлло сдѣлалъ немало тактическихъ ошибокъ, давшихъ перевесъ литовскому оружію, поддержанному поляками въ надеждѣ на присоединеніе къ Польшѣ Подолін и Волыни, если полная инкорпорация фактически въ данное время невозможна. Военныя дѣйствія въ общемъ затянулись надолго, чему, конечно, способствовало національное упорство русскихъ областей, а съ другой стороны, внутренними усобицами воспользовался Прусскій орденъ, чтобы начать войну съ Польшей. Какъ только Сигизмундъ Кейстуовичъ сѣлъ на литовскомъ

столѣ, Ягайлло захватилъ западное Подолье, прогнавъ оттуда намѣстника Свидригайлла, а затѣмъ вступилъ въ оставленный Свидригайллою Владиміръ, приступивъ къ осадѣ Луцка. Такъ Волинь попала въ руки поляковъ. Для примиренія обывателей Волини съ Польшей Ягайлло пришлось пойти на существенныя уступки, выдавъ Луцкой землѣ особый привилей—князьямъ, панамъ, прелатамъ и рыцарямъ земли Луцкой, какъ римской, такъ и греческой вѣры.

Это было сдѣлано по просьбѣ перечисленныхъ лицъ, готовыхъ принять польское подданство. Согласно привилею, права и вольности шляхты королевства Польскаго распространялись на соотвѣтствующіе станы Луцкой земли. Впрочемъ привилей не имѣлъ практическаго значенія: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлла, но онъ любопытенъ, какъ фактъ, указывающій на ближайшій курсъ польской политики по отношенію къ русскимъ областямъ. Послѣдовавшій затѣмъ разгромъ Литвы и Черной Руси заставилъ Ягайлло заключить перемиріе, согласно которому западное Подолье осталось за Польшей, а о Волини не было и рѣчи.

Положеніе Сигизмунда было довольно затруднительно: къ нему въ оппозиціи находились не только русскія земли, но и литовское магнатство, не говоря о другихъ общественныхъ элементахъ въ Литвѣ: магнаты, принявшіе по необходимости изъ рукъ Ягайлла Сигизмунда, обращались съ нимъ свысока и не признавали ни заключенной уніи, ни его авторитета. И вторичное скрѣпленіе унитарнаго договора, для чего Ягайлло спеціально пріѣхалъ въ Литву, не достигло намѣченной цѣли: если литовскіе потентаты дали на нее свое согласіе, то всецѣло изъ боязни поглощенія Литвы Русью, въ надеждѣ съ помощью Польши подчинить возставшія русскія земли.

Сигизмундъ и Ягайлло, желая ослабить Свидригайлла, выдали въ 1434 г. населенію новый привилей, являю-

ликовъ и православныхъ была закрѣплена и новой хартией, по духу польско-католической.

Борьба Сигизмунда и Свидригайлы.

Первоначально районъ военныхъ дѣйствій ограниченъ вался предѣлами Черной Руси и Литвы, но въ 1437 г. Сигизмунду удалось нанести своему противнику жестокое пораженіе подъ Вилкомиромъ, вслѣдъ за которымъ отъ Свидригайлы отпали Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ. Ему оставались пока вѣрны Волынь, Кіевщина, Подолье и Чернигово-Сѣверская земля. Сознывая, что одинъ онъ не въ силахъ бороться съ польскимъ королемъ и литовскимъ великимъ княземъ, Свидригайло рѣшился на актъ, которому поляки впоследствии придавали огромное значеніе: онъ согласился поддаться польскому королю и коронѣ Польской со всеми своими подданными, замками, мѣстами и селами... По смерти Свидригайлы отчина его и всѣ владѣнія, которыя принадлежать и будутъ принадлежать ему, должны перейти къ королю и коронѣ Польской.

Такъ возникло вассальное русское княжество, оторвавшись отъ Литвы, но этотъ договоръ не былъ утвержденъ польскимъ сеймомъ. Борьба продолжалась и окончилась только въ 1439 г. полнымъ пораженіемъ Свидригайлы, въ рукахъ котораго оставалась восточная часть Подолія. Но и Сигизмундъ не удержался на престолѣ. Тираническій характеръ *) и крупныя территоріальныя уступки погубили его. Магнаты Литвы хотѣли исправить также условія уній 1432 г. 1434 г. Великій князь былъ убитъ, и для литовской дипломатіи предоставлялся полный просторъ въ дѣлѣ возстановленія литовской автономіи и возвращенія обратно уступленныхъ Польшѣ русскихъ областей.

*) Стремленіе опереться на мелкопомѣстную литовскую шляхту, выдвиганіе незнатныхъ фамилій.

VII. Примирительная политика Казимира и дальнѣйшая борьба противъ уніи.

При избраніи преемника Сигизмунда литовской аристократіи приходилось остановить свой выборъ на такомъ кандидатѣ, который не только являлся бы сторонникомъ литовской государственной автономіи, но и не былъ бы противникомъ магнатства. Первое время, когда заходила рѣчь о преемникѣ Сигизмунда, среди литовской аристократіи не было требуемаго единодушія. Возникли партіи, выдвигавшія того или другого кандидата на престолъ. Были даже сторонники кандидатуры Свидригайлло, но, конечно, она успѣха не могла имѣть. Правда, Свидригайлло былъ сторонникомъ автономическаго государства, но его связь съ русскимъ населеніемъ служила доказательствомъ того, что симпатіи его будутъ не на сторонѣ литовскихъ магнатовъ, и имъ отъ него нечего ждать.

Выдвигалась кандидатура и сына убитаго Сигизмунда, но пока отпадала изъ боязни, что сынъ пойдетъ по стопамъ своего отца по отношенію къ магнатамъ, да къ тому же будетъ мстить за смерть отца. Въ концѣ концовъ взяла верхъ партія, выставившая кандидатуру Казимира Ягеллончика (сынъ Ягайлло). Послѣднему было только 13 лѣтъ; за его малолѣтствомъ, правленіе должно было перейти въ руки магнатовъ; это укрѣпляло положеніе магнатства, да и унитарный вопросъ могъ быть разрѣшенъ иначе. Польское правительство не сочувствовало предложенной конъектурѣ, прекрасно сознавая, что это сразу измѣнитъ характеръ литовско-польской уніи. Недаромъ король соглашался отпустить Ягеллончика въ Литву только въ качествѣ намѣстника, хотя это было бы нарушеніемъ условій уніи 1413 и 1432 г. Ввиду такихъ дѣйствій короля литовскіе магнаты объявили о расторженіи уніи и провозгласили великимъ княземъ Казимира. Польское правительство не признало происшедшей перемѣны, отказывало въ признаніи за Кази-

Казимиръ Ягеллончикъ (въ Польшѣ Казимиръ IV).

міромъ великокняжескаго титула, но литовское магнатство пока игнорировало недовольство польскаго правительства (1440 г.).

Избраніе Казимира было дѣломъ только одного литовскаго магнатства и вызвало недовольство не только въ однѣхъ русскихъ областяхъ, но также и въ демократической Жмуди и мелкопомѣстной Подоліи, стоявшей на сторонѣ Михаила Сигизмудовича; часть Волыни была въ рукахъ Свидригайлы. Впрочемъ, это движеніе было менѣе опасно, чѣмъ возстаніе Свидригайлы. Каждая область дѣйствовала особнякомъ, на свой страхъ и рискъ, и литовскому правительству удалось безъ труда подавить сепаратистское движеніе. Такъ, Смоленское вѣче, прогнавшее великокняжескаго намѣстника и избившее бояръ, сначала призвало къ себѣ особаго государя, Мстиславскаго князька Юрія Лингвеневича. Но утвердиться ему въ Смоленскѣ не удалось. Его рѣско-демократическая политика и наклонность къ полному сепаратизму принудили литовское правительство поскорѣе принять соответствующія мѣры и возвратить Смоленскъ обратно Литвѣ. Смоленску въ скоромъ времени пришлось принять обратно княжескаго намѣстника, но чтобы привязать прочнѣе Смоленскую землю къ княжеству, Казиміръ выдалъ ей подтвердительный привилей на права и вольности, пожалованныя Витовтомъ. Такіе же подтвердительныя привилеи получили земли Полоцкая и Витебская, вѣроятно въ 1451 г., когда въ Литвѣ происходилъ общій сеймъ великаго княжества. Отпавшая Кіевская земля скоро была обратно возвращена къ Литвѣ, и ей дали бывшаго кіевскаго воеводу Олельку. Послѣ смерти его сына Семена, княжескій урядъ былъ уничтоженъ разъ навсегда, и Казиміръ въ 1471 г. выдалъ Кіевской землѣ новый привилей, включивъ туда всѣ права и вольности населенія, завоеванныя при послѣднихъ князьяхъ. Возстаніе въ Жмуди не потребовало внимательства военной силы. Умѣлыми переговорами убѣдили жмудиновъ признать власть великаго князя,

а для закрѣпленія состоявшихся переговоровъ Казиміръ выдалъ въ 1492 г. подтвердительную уставную грамоту. Совершенно мирной политики держалось правительство Казиміра по отношенію къ Волини, оставшейся вмѣстѣ съ восточнымъ Подолемъ въ рукахъ Свидригайлла, признавшаго въ 1445 г. Казиміра великимъ княземъ. Послѣ смерти волинскаго князя, его области, согласно завѣщанію, перешли къ Казиміру, который выдалъ волинской шляхтѣ привилей, снабдивъ его новыми правами и вольностями. Наконецъ, чтобы успокоить мелкопомѣстную шляхту Подолья, Казиміръ привилеемъ уравнивалъ ее въ правахъ съ польской шляхтой. Въ общемъ, удачными мѣрами Казиміру вновь удалось собрать воедино разсыпавшееся Литовское государство.

Первое время панованья Казиміра поляки не под- Избрание Ка-
зиміра на
польскій пре-
столь.нимали вопроса объ уніи, словно примирившись съ со-
вершившимся фактомъ. Но затѣмъ обстоятельства на-
чали складываться въ благопріятномъ для Польши
отношеніи. Польскій престоль въ 1444 году сталъ ва-
кантнымъ, и поляки рѣшили пригласить на польскій
престоль Казиміра.

Актомъ избранія Казиміра на польскій престоль (1447 г.) сразу создавались подходящія условія для возобновле-
нія уніи на началахъ инкорпорации. Предложеніе поля-
ковъ поставило Казиміра и литовское магнатство въ
довольно затруднительное положеніе, но затѣмъ, когда
въ Польшѣ стали выдвигать другую кандидатуру, быть
можетъ, только по тактическимъ соображеніямъ, рѣ-
шено было принять корону, но не соглашаться на унію
на основаніи старыхъ трактатовъ. Такъ снова унитарный
вопросъ былъ поставленъ на очередь. Литовскіе паны
соглашались на принятіе Казиміромъ польской короны,
но подъ условіемъ сохраненія въ неприкосновенности
государственной территоріи и самостоятельнаго госу-
дарственнаго режима. Дѣйствительно, литовскимъ па-
намъ, пріѣхавшимъ въ Брестъ для заключенія уніи,
удалось взять отъ короля особую клятвенную запись,

въ которой Казиміръ призналъ существованіе только оборонительнаго союза между Литвою и Польшею, а землю Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатингъ и Олеско—территорію, на которую заявляла притязанія Польша, землями литовскими. Литовцы отстояли свой государственный режимъ и получили отъ короля право послѣ смерти Казиміра избрать отдѣльно или съ поляками особаго великаго князя, что было возвращеніемъ къ договору объ уніи 1413 года. Правда, эта запись имѣетъ болѣе идеальный характеръ, съ ней поляки никогда не считались. Наоборотъ, какъ только состоялся первый сеймъ въ присутствіи избраннаго короля, поляки потребовали подтвержденія, что Подолія и часть Волыни остаются за Польшей, какъ бы въ отместку за несостоявшіяся передъ тѣмъ переговоры, согласно которымъ поляки предлагали литовцамъ для уничтоженія всякихъ недоразумѣній между обѣими сторонами—сліяніе въ одно государство, съ однимъ королемъ, съ одинаковыми для шляхты правами и вольностями. Литовское магнатство не согласилось на подобную комбинацію. Но и Казиміръ не далъ никакого отвѣта на требованіе поляковъ, отказавшись подтвердить ихъ права и вольности, пока они не выяснятъ своихъ отношеній къ литовцамъ. Положеніе Казиміра было довольно затруднительнымъ: унія не налаживалась; ему не довѣряли ни поляки, ни литовцы, а русскія аннексированныя земли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, какъ выше было указано, стремились къ полному отдѣленію. Въ цѣляхъ примиренія Руси и Литвы и привлеченія на свою сторону болѣе широкихъ слоевъ въ русской шляхтѣ, Казиміръ 2 мая 1447 опубликовалъ новый привилей. Его содержаніе шире другихъ привилеевъ, и главное его отличіе отъ привилеевъ 1413, 1432 и 1434 г.—это распространеніе правъ и вольностей на все русское населеніе княжества, но статья конфессіональнаго характера осталась неотмѣненной: занимать должности попережнему могли

только католики. Въ опубликованномъ привилеѣ для польско-литовскихъ отношеній имѣютъ огромное значеніе статьи о замѣщеніи разныхъ урядовъ только туземцами и обѣщаніе держать Литовское княжество въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно было при Витовтѣ, и защищать его. (*in eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere*). Унитарный вопросъ въ послѣдствіи выдвигался на очередь неразъ, но рѣшить его въ томъ или другомъ направленіи такъ и не удалось. Во время всего господства Казимира отношенія Литвы къ Польшѣ оставались неопредѣлившимися, хотя старыя земли поляки разсматривали, какъ присоединенныя къ Польшѣ. Патріотическаго чувства Литвы не успокоили и антипольскія статьи привилея 1447 г.: литовцы тяготились унией и хотѣли имѣть отдѣльнаго князя въ лицѣ одного изъ сыновей Казимира, но послѣдній не согласился, и литовскому магнатуству оставалось ожидать съ нетерпѣніемъ смерти короля и великаго князя. Въ 1492 г. король умеръ. Смерть господаря подняла упавшій духъ литовскаго магнатуства, которое, игнорируя поляковъ, немедленно избрало на престолъ сына Казимира Александра, соотвѣтствующія статьи унией такимъ образомъ были нарушены литовцами, какъ раньше поляками.

Послѣдніе избрали королемъ его брата Альбрехта. При избраніи на престолъ Александра, литовская аристократія заставила новаго господаря выдать привилей, подтверждающій прежнія льготы и права и закрѣпляющій за магнатами то рѣшающее положеніе, которое они фактически занимали въ сферѣ государственной дѣятельности, благодаря постояннымъ повѣдкамъ Казимира въ Польшу. Привилей 1492 г. не далъ никакихъ новыхъ правъ шляхтѣ, но, закрѣпляя за аристократіей, какъ членами „господарской рады“, активное участіе въ сферѣ внутренней и внѣшней политики, новый господарь существенно ограничивалъ прерогативы своей власти. Для литовскихъ магнатовъ подобный

Александръ и Альбрехтъ.

привилей являлся необходимостью: только взявъ кор-
мило правленія въ свои руки и магнаты могли быть
увѣрены въ сохраненіи литовской независимости. Въ
общемъ, привилей 1492 г. юридически конструировалъ
положеніе боярства, основанное на обычаяхъ. Новость —
прочныя правовыя гарантіи. Но вопросъ объ уніи
скоро сталъ очереднымъ. Затруднительное внѣшнее
положеніе, благодаря борьбѣ съ Москвой, заставило
искать союза съ Польшей. Новое соглашеніе было под-
писано въ 1499 г., и условія его могли быть относительно
пріемлемыми для литовцевъ. Унія 1499 г. признавала
за Литвой права на самостоятельный государственный
режимъ, причемъ Литва становилась къ Польшѣ въ тѣ
же отношенія, въ какихъ она находилась раньше со-
гласно трактатамъ 1313 и 1432 гг. Но и новая унія
оказалась недолговѣчной.

Избрание Алек-
сандра на
польскій пре-
столю и
унія 1501 г.

Въ разгаръ военныхъ дѣйствій съ Москвой
умираетъ польскій король, и литовцы сами подни-
маютъ вопросъ о приглашеніи Александра на поль-
скій тронъ. Затруднительное положеніе Литвы было
учтено поляками, рѣшившими воспользоваться дан-
нымъ моментомъ для реализаціи давнишнихъ поли-
тическихъ мечтаній. Унія 1501 г. по своему содержа-
нію рѣзко отличается отъ предыдущихъ трактатовъ:
отнынѣ Литва и Польша сливаются въ одно государ-
ство, будутъ имѣть одного государя, выбираемаго на
общемъ польско-литовскомъ сеймѣ, одну монету, но
разные суды и должности. Оба государства будутъ не-
разлучны въ счастіи и несчастіи, признавая за преж-
ними договорами обязательную силу. Унія 1501 г. для
литовцевъ, конечно, была неприемлемой, но всетаки маг-
натамъ пришлось ее подписать. Впрочемъ, этотъ Мель-
ницкій трактатъ на практикѣ не былъ осуществленъ.
Польша слабо помогала Литвѣ въ ея войнѣ съ Москвой,
а литовское правительство продолжало разсматривать
себя, какъ представителя независимой въ политиче-
скомъ смыслѣ Литвы. Поэтому унія 1501 г. интересна

какъ показатель, къ какимъ конечнымъ результатамъ стремилась польская дипломатія.

Въ 1506 г. снова унитарный вопросъ сталъ очереднымъ. Послѣ смерти Александра литовцы не поѣхали на общій сеймъ, а на собственномъ сеймѣ избрали „едноостійною волею“ великаго князя Сигизмунда брата Александра. Поляки сдѣлали то же самое у себя дома, пока не затрагивая и не обсуждая никакихъ вопросовъ изъ области государственнаго права. Собственно, съ избраніемъ Сигизмунда, независимо отъ желанія литовцевъ, условія Мельницкаго трактата отчасти осуществились: Литва и Польша имѣли одного государя. Это самое главное. Остальное можно привести въ исполненіе въ зависимости отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Сигизмундъ
(въ Польшѣ I)
Старый,
(1506—1548 г.)

VIII. Оппозиціонныя броженія на Руси и внѣшнее положеніе Литвы.

Привилей 2-го мая 1447 г. отчасти примирилъ русскую шляхту съ политикой Казимира. Получивъ рядъ правъ и привилегій, русская шляхта съ этого времени перестаетъ враждебно относиться къ уніи съ Польшей, ради полнаго уравниенія съ поляками и ослабленія вліянія литовскихъ магнатовъ. Изданіемъ же судебника въ 1468 г., по своей терминологіи и по многимъ статьямъ совершенно гармонирующаго съ Русской Правдой, правительство тоже шло навстрѣчу русскому населенію, закрѣпляя въ кодексѣ стародавніе судебные обычаи, усвоенные къ этому времени и литовцами. Въ общемъ, политика компромиссовъ отчасти примирила русскую шляхту съ Казиміромъ и господствомъ Литвы, но о полномъ примиреніи пока не могло быть и рѣчи, разъ русскій элементъ попрежнему находился на второмъ мѣстѣ. Вотъ почему русская шляхта не разъ приметъ участіе въ движеніяхъ противъ Литвы.

Отношеніе
русскихъ фе-
одаловъ къ Ли-
товско-Поль-
скому уніи.

Но та же политика не могла встрѣтить никакой поддержки и сочувствія въ русской аристократіи. Православ-

Русскіе князья
и Казимиръ IV
Лелелончикъ.

ные русскіе князья не могли мириться съ существующимъ положеніемъ дѣлъ: политика Казимира не только была направлена на уничтоженіе удѣловъ, но она также не давала русской аристократіи никакой возможности играть какую бы то ни было политическую роль благодаря сохраненію конфессіональныхъ статей въ привилеѣ 1447 года. Все это опредѣлило отрицательное отношеніе къ политикѣ Казимира и регулировало дальнѣйшіе поступки русской аристократіи. Въ 1471 г. умеръ Кіевскій князь Семень Олельковичъ. Правительство послало въ Кіевъ намѣстника, и хотя кіевляне не желали стать на положеніе литовской провинціи и просили оставить имъ какого-нибудь князя, но въ концѣ концовъ имъ пришлось уступить и принять княжескаго намѣстника—литовскаго магната Гаштольца. И на Волынь послѣ смерти Свидригайлла былъ посланъ намѣстникъ. Такая политика Казимира вызвала большое движеніе среди русскихъ князей, во главѣ которыхъ сталъ братъ послѣдняго Кіевскаго князя, Михаилъ Олельковичъ. Русскіе князья выработали опредѣленный планъ дѣйствій, цѣлью которыхъ былъ захватъ великокняжескаго стола и передача его одному изъ князей южно-русскихъ, которые не будутъ уничтожать удѣльныхъ традицій. Но политика удѣльныхъ князей потерпѣла полное крушеніе: Казимира во время предупредили; князья были схвачены и казнены.

Москва и Ар-
Товско-Рус-
ское государ-
ство.

Заговоръ русскихъ князей въ 1481 г. интересенъ и въ другомъ отношеніи: заговорщики дѣйствовали не безъ надежды на московскую помощь, за что, какъ сообщаютъ нѣкоторые современные компиляторы, группа князей уступала Московскому князю часть русскихъ земель по рѣку Березину, хотя официально провѣрить эти факты невозможно. Вообще, отношенія князей къ Московскому князю остаются до сихъ поръ невыясненными, хотя тяготѣніе князей въ Москвѣ несомнѣнно. Только опираясь на великаго князя Московскаго, русскіе князья надѣялись сохранить за собою свои кня-

жества, подобно тому, какъ Литва съ помощью Польши надѣялась провести свою политику уничтоженія удѣловъ. Для Московскихъ князей обращеніе къ нимъ русскихъ князей за помощью давало подходящий поводъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Литовскаго государства подъ предлогомъ защиты русской національности и вѣры, угнетаемой католиками, но, конечно, главнымъ мотивомъ для вмѣшательства была собирательная политика Московскихъ князей, поставившихъ себѣ задачей объединеніе не только сѣверо-восточной Руси, но и включеніе въ составъ Московскаго государства русскихъ областей, отошедшихъ къ Литвѣ. Это опредѣлило вѣковую вражду Литвы и Руси. Враждебныя отношенія Литвы и Москвы давнишнія: всегда обѣ стороны относились другъ къ другу съ подозрѣніемъ и не желали дальнѣйшаго усиленія соперника. Пока силы обѣихъ государствъ были приблизительно одинаковы, обѣ стороны не доводили дѣла до рѣшительнаго столкновенія, стараясь всячески помѣшать усиленію другъ друга. Вполнѣ понятно, что сепаратизмъ великорусскихъ князей встрѣчалъ такую же поддержку въ Литвѣ, какъ въ Москвѣ поддерживали удѣльныхъ князей русскихъ. Эта противоположность политики литовской и московской выяснилась еще при Витовтѣ, къ объединительной политикѣ котораго въ Москвѣ относились съ большимъ подозрѣніемъ.

Захватъ Смоленска указывалъ на необходимость вмѣшательства для прекращенія дальнѣйшаго усиленія Литвы тѣмъ болѣе, что въ Смоленскѣ сформировалась московская партія во главѣ съ рязанскимъ княземъ и просила Москву о помощи. Впрочемъ, вмѣшательство не помогло. Смоленскъ остался за Литвой, и на восточной границѣ онъ долго будетъ яблокомъ раздора между обоими государствами. Въ концѣ княженія Витовта тверскіе и рязанскіе князья вступили съ Витовтомъ въ соглашеніе, обѣщая быть „съ нимъ заодно“.

Возвратъ о
Смоленскѣ.

Интересы Литвы и Москвы сталкивались еще в Новгородской землѣ.

Великія Новгородъ.

Новгородская аристократія всегда боялась нивелирующей московской политики и тяготѣла къ Литвѣ и ея политикѣ уваженія областной самостоятельности. Литовскіе князья неразъ появлялись въ Новгородѣ, правда, на короткое время. Наконецъ въ 1478 г., когда Иванъ III готовился нанести новгородцамъ окончательный ударъ, они рѣшили поддаться Казимиру при условіи сохраненія въ неприкосновенности мѣстнаго строя и мѣстныхъ правовыхъ обычаевъ. Это обращеніе къ Литвѣ фактически было бесполезно: Литвѣ и дома было много дѣла, оказать какую-нибудь существенную поддержку Новгороду она не могла. Впрочемъ, перевѣсъ Москвы надъ Литвой сказался еще въ 40 годахъ, когда Тверь, Новгородъ, Псковъ, отчасти Рязань попали въ сферу московскаго вліянія. Уже тогда намѣтились результаты будущей борьбы Литвы и Москвы. Пока шла борьба Москвы съ удѣльными князьями, Литва давала убѣжище послѣднимъ, но при Иванѣ III удѣлы были уничтожены; границы Литовскаго и Московскаго государствъ соприкасались другъ съ другомъ; пограничные Чернигово-сѣверскіе князья начали переходить на сторону Москвы подъ предлогомъ угнетенія православной вѣры. Литовское правительство не признавало законности этихъ переходовъ и пыталось воздѣйствовать на Московское правительство дипломатическимъ путемъ; послѣднее не помогло; борьба была неминуема, но кончилась она для Литвы неудачно: пограничныя волости князей Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ— все отошли къ Москвѣ, причемъ обѣ стороны обязывались взаимно не принимать князей съ ихъ волостями. Впрочемъ, переходы не прекращались: Москва какъ бы игнорировала существовавшій трактатъ. И выдача замужъ Елены Ивановны за литовскаго князя Александра не только не примирила враждующихъ сторонъ, а явилась лишнимъ поводомъ для дипломатическихъ перегово-

Чернигово-Сѣверская земля.

воровъ и военнаго вмѣшательства подъ предлогомъ нарушенія брачнаго договора и насилія надъ религіозными убѣжденіями Елены. Въ 1500 г. перешли на службу къ Москвѣ рядъ князей, потомки выходцевъ изъ Москвы. Въ общемъ поддалась вся Черниговская земля, и начавшіяся военныя дѣйствія докончили присоединеніе Черниговскихъ земель, окончательно отошедшихъ къ Москвѣ по миру въ 1503 г.

Конечно, перемиріе 1503 года могло имѣть только характеръ передышки въ военныхъ дѣйствіяхъ, утомившихъ обѣ стороны.

Слишкомъ уже непримирима была политика Московскаго князя, объявившаго русскія земли въ Литвѣ своей отчиной. Недаромъ, послѣ смерти кн. Александра Василій Ивановичъ писалъ своей сестрѣ, чтобы та рекомендовала литовскимъ панамъ избрать его великимъ княземъ при условіи сохраненія латинской вѣры въ неприкосновенности, а также правъ литовцевъ. Впрочемъ, кандидатура не имѣла успѣха. Затруднительное внѣшнее положеніе осложнилось волненіями внутри самого Литовскаго государства.

Виновникомъ ихъ былъ князь Михаилъ Глинскій, представитель русской партіи при дворѣ великаго князя Александра, занимавшій важный постъ маршалка дворнаго и имѣвшій большое вліяніе на самого великаго князя. Послѣ смерти послѣдняго, положеніе Глинскаго значительно пошатнулось. Литовская партія снова усилилась. Тогда Глинскій, войдя въ сношеніе съ Московскимъ княземъ, поднялъ возстаніе, конечной цѣлью котораго, кажется, было возведеніе на литовскій столъ Глинскаго и образованіе новаго западно-русскаго княжества. Однако это движеніе потерпѣло полную неудачу: сѣверо-западная русская шляхта, уже окатоличенная и воспользовавшаяся всѣми правами привилеевъ, осталась вѣрна Сигизмунду.

Михаилъ Глинскій и вотаги Смоленска.

Наоборотъ, православное кievское земянство, на которое, благодаря конфессіональнымъ статьямъ, распро-

странялись не всё блага польскаго права, поддержало Глинскаго. Движеніе Глинскаго обнаружило симпатіи части шляхты къ Польшѣ, а' сочувствіе православнога землянства Глинскому намѣчало польской дипломатіи дальнѣйшій планъ дѣйствій для привлеченія на свою сторону и православнога землянства: надо было уравнивать, въ правахъ православную шляхту съ католической, уничтоживъ соотвѣтствующія статьи привилея, что, впрочемъ, было сдѣлано только въ 1563 г., когда выяснилось, что безъ поддержки русской шляхты немыслимо инкорпорированіе части территоріи. Внутренними волненіями въ Литвѣ воспользовался Василій Ивановичъ, захватившій Смоленскую землю.

Возстаніе Глинскаго, поднятое въ интересахъ русской народности, было послѣднимъ аккордомъ національной борьбы въ гоударствѣ. Къ началу XVI в. національный вопросъ сталъ менѣе острымъ: удѣлы уничтожены, князей оставалось мало, и матеріальное положеніе ихъ было очень плохое; многочисленная шляхта, начавшая пользоваться всѣми правами, дарованными привилеями, пока была довольна достигнутыми политическими успѣхами, хотя политика магнатства и его привилегированное положеніе не встрѣчали въ шляхтѣ сочувствія. Антагонизмъ шляхты и магнатства и, какъ результатъ его, дальнѣйшіе политическіе успѣхи шляхты—это былъ вопросъ будущаго, впрочемъ весьма недалекаго. Помимо борьбы съ Москвою, Литвѣ приходилось выдерживать и жестокія нападенія татаръ Крымской орды, выдѣлившейся изъ Золотой орды.

Литва и татары.

Собственно съ татарами Литва была знакома и раньше, какъ только русскія земли признали гегемонію Литвы. Русскимъ князьямъ и подъ верховенствомъ Литвы приходилось посылать татарамъ дань, но Литвѣ всетаки пришлось столкнуться съ татарами изъ-за Подолія, которое и было отнято у татаръ. Когда окончательно сформировалась Золотая орда, литовскіе князья поддерживали съ нею мирныя отношенія, находя въ

татарахъ надежнаго союзника противъ Москвы *). Благодаря такой политикѣ Литовско-русское государство почти не знало татарскихъ набѣговъ. Впервые Литва почувствовала на себѣ татарскую руку послѣ пораженія Витовта на рѣкѣ Ворсклѣ (1399 г.). Впрочемъ, и это враждебное столкновение явилось результатомъ того, что въ ордѣ произошла перемѣна хановъ, и престоломъ завладѣлъ ханъ, соперникъ Тохтамыша, котораго поддерживалъ Витовтъ. Послѣ битвы на рѣкѣ Ворсклѣ татарскіе набѣги стали хроническими, но вся ихъ тяжесть падала на русскія земли. Особенно страдали Кіевъ и Подолье. Правда, литовское правительство принимало рядъ мѣръ по укрѣпленію границъ, въ видѣ постройки валовъ и крѣпостей, но и это мало помогало, и набѣги продолжались. Еще стало тяжелѣе украиннымъ землямъ послѣ распадения Золотой орды (полов. XV в.). Крымскіе татары сначала были въ союзѣ съ литовцами, но союзныя отношенія прервались. Крымъ измѣнилъ свою политику по отношенію къ Литвѣ, отчасти подъ вліяніемъ Московскихъ князей, толкавшихъ Гиреевъ на путь разоренія Литвы. Втеченіе XV и XVI вѣковъ набѣги почти были непрерывными. Южно-русскія земли превращались въ пустыни, населеніе разбредалось.

Мѣстности съ богатѣйшими почвенными условіями, лежащія на большой торговой дорогѣ, фактически были вычеркнуты изъ предѣловъ государства. Правительство, занятое другими вопросами, почти не принимало мѣръ для защиты населенія, которое толпами уводили въ плѣнъ, а затѣмъ продавали на восточныхъ рынкахъ.

Только положеніе Литвы на западѣ можно признать Литва и Орда. удовлетворительнымъ: Литвѣ удалось послѣ упорной борьбы нанести еще разъ серьезное пораженіе ордену, лишивъ его части владѣній. Поморье и часть Пруссіи отошли къ Польшѣ.

*) Витовтъ даже долженъ былъ выступить съ Мамаемъ въ походъ противъ Дмитрія Донского, но опоздалъ прийти во время.

IX: Общественный строй въ Литвѣ до половины XV вѣка.

1) Военно-служилый классъ.

Развитіе сословій.

Ни Литва ни Русь, конечно, не могли остановиться на тѣхъ формахъ социально правовой жизни, которыя были выработаны въ древнѣйшій періодъ. Сущность эволюціи въ общественныхъ отношеніяхъ и заключалась въ постепенномъ образованіи сословія, и въ полученіи высшимъ сословіемъ, шляхетствомъ, все большихъ и большихъ правъ. Съ приобрѣтеніемъ шляхтой ряда правъ; конечно, исчезло относительное равновѣсіе въ общественныхъ отношеніяхъ. Экономически наиболѣе сильные и надѣленные разными правами стали во главѣ общества, а экономически слабые—крестьяне постепенно теряли свою гражданскую правоспособность и дѣеспособность, попадая въ крѣпостную неволю. Промежуточное мѣсто занимали мѣщане, имѣвшіе особое положеніе въ литовскомъ обществѣ.

Образованіе шляхетства.
1) Составъ его.

Процессъ образованія въ Литвѣ шляхетскаго сословія заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ и до сихъ поръ въ деталяхъ онъ остался невыясненнымъ. Но нельзя придавать въ этомъ процессѣ польскому вліянію того огромнаго значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки. Отрицать польскаго вліянія, конечно, невозможно, но учесть его вліяніе надо поинному. Польское право само по себѣ не создавало никакого сословія и не разрушало безсословности строя. Оно только юридическими нормами закрѣпило тѣ отношенія, которыя фактически создались между разными общественными группами подъ вліяніемъ разныхъ условій.

а) боярство.

Въ древнѣйшемъ періодѣ, какъ извѣстно, не было сословія, но уже тогда сложились подходящіе для этого элементы, занявшіе особую позицію въ общественныхъ отношеніяхъ, благодаря своему экономическому значенію, какъ представители крупнаго землевладѣнія. Они же составляли княжескую дружину, были членами княжеской думы, имѣли большое мораль-

ное вліяніе на вѣчевыхъ сходкахъ. Составъ такого боярства не былъ постояннымъ: званіе боярина не было наслѣдственнымъ—оно жаловалось княземъ; многіе могли по разнымъ причинамъ не сохранить своего положенія, да и въ среду самого боярства всегда удавалось проникать новымъ элементамъ. *)

Боярь-землевладѣльцевъ можно найти во всѣхъ русскихъ земляхъ, они выступаютъ всегда въ сопровожденіи собственныхъ дружинниковъ-послужильцевъ. Уставныя грамоты, выданныя при Витовтѣ, считаются съ этой мѣстной аристократіей, княжеской и боярской. Она выдѣлена въ грамотахъ ввидѣ особой общественной группы. Въ Галиціи боярамъ удалось даже осилить князей и стать заправилами земли, и всѣ попытки Даниила и его потомковъ подавить „крамолу“ и смирить „безбожныхъ боярь галицкихъ“ фактически кончились ничѣмъ. Галицкое боярство сохранило добытую позицію. Вѣроятно, въ Галиціи, отошедшей къ Польшѣ, сословность строя потому такъ рано опредѣлилась, что предыдущее развитіе наиболѣе подготовило Галицію къ утвержденію сословности. И въ старыхъ литовскихъ земляхъ еще до образованія княжества выдѣлялась знать, которую нѣмецкіе хроникеры называютъ *prepotentes, potiores domini, nobiles, die Edelsten*. Особенно былъ силенъ классъ землевладѣльческой аристократіи въ Жмуди: онъ отстаивалъ мѣстную автономію и независимость и благодаря своему престижу подчинилъ себѣ народную массу. Съ образованіемъ великаго княжества вся эта литовская знать сохранила свое положеніе, принимая активное участіе въ дѣлахъ по управленію государствомъ и засѣдая въ думѣ князя. Таковую думу около себя имѣлъ не только одинъ великій князь: думцевъ имѣли и удѣльные князья, и желаніе удѣльнаго князя опереться въ своей дѣятельности только усиливало

*) Въ средѣ галицкихъ боярь находимъ боярь: „поповы внуки“ и „отъ племени смердя“.

мѣстную аристократію. Эти думцы—barones—явились основнымъ ядромъ будущей литовско-русской аристократіи. Намъ уже известно, что и поляки и Витовтъ учитывали значеніе литовской аристократіи въ борьбѣ за право на національное самоопредѣленіе. Недаромъ польское правительство при заключеніи новыхъ договоровъ объ уніи брало присяжные листы отъ бояръ.

б) удѣльные князья.

Удѣльные князья какъ-то незамѣтно сходили со сцены, бѣднѣли, переходя на положеніе служилыхъ князей. Разгромленные при Витовтѣ, они отчасти сохранили за собою и владѣтельные права, и владѣнія, но на общемъ основаніи съ панами-землевладѣльцами, свои титулы, но прежняго политическаго вѣса они не имѣли. Первые привилеи 1387 и 1413 г. еще не знаютъ князей, какъ особый „станъ“ литовско-русской аристократіи. Они говорятъ только о nobiles и boiages (знати и боярствѣ), но привилеи 1447 г. распространяется на князей, пановъ и шляхту всѣхъ вообще русскихъ и литовскихъ областей великаго княжества. Только послѣ привилеи 1447 г. можно говорить объ уравненіи князей и боярства на почвѣ признанія за ними шляхетскихъ вольностей. Если же удѣльные князья сохраняли за собою нѣкоторыя владѣтельные права и въ XV в. существенно отличались отъ другой шляхты, то это гарантировалось особыми соглашениями съ литовскими великими князьями. Окончательное же сліяніе съ шляхтой можно отнести только къ привилеямъ 1492 и 1506 г., признавшимъ за князьями и панами равноправное участіе въ управленіи государствомъ. Послѣдующее законодательство не видитъ никакой разницы въ правахъ титулованнаго князя и нетитулованнаго панства.

Такъ образовался высшій чинъ шляхетскаго сословія. Конечно, не всѣмъ потомкамъ старинныхъ бояръ удалось стать въ ряды средняго военно-служилаго класса, а нѣкоторые, не сумѣвшіе представить доказательствъ своего благороднаго происхожденія,

опустились еще ниже. Въ общемъ—около 70 фамилій княжескихъ и боярскихъ, литовскихъ и русскихъ, принадлежало къ первому стану шляхетскаго сословія. На 50 боярскихъ фамилій приходилось около 20 княжескихъ. Степень знатности и богатства каждаго опредѣлялась количествомъ конныхъ ратниковъ, которыхъ они выставляли въ случаѣ похода съ своихъ вотчинъ, такъ какъ и старинную аристократію пришлось привлечь къ несенію ратной повинности, подобно тому какъ ее несли съ помѣстій. Изъ „нописа“ 1528 года видно, что князя Острожскіе выставили 426 коней, Слуцкіе—483, Вишневецкіе—98 коней, князя Чарторыцкіе только 55 коней, а изъ пановъ—Гаштольды 466 коней, Кеагайлы (трое)—768,—изъ нихъ одинъ 371 коня; Сапѣги—153, Радивиллы—628 коней. Если принять во вниманіе, что по уставу 1528 г. одинъ конь выставлялся съ 8 службъ крестьянскихъ, то указанныя цифры даютъ достаточно полное представленіе о размѣрахъ вотчинъ аристократій *).

Княжескія и панскія фамиліи распредѣлялись территоріально неравномѣрно. Княжескія фамиліи цѣлыми гнѣздами сидѣли на Волыни. Волынь оставалась областью съ крупнымъ землевладѣніемъ по преимуществу; въ другихъ частяхъ государства представители крупнаго землевладѣнія растворялись въ массѣ средняго и мелкаго, а въ Кіевщинѣ его и совсѣмъ не было.

Кромѣ княжеской и боярской (панской) аристократіи, въ Литовско-русскомъ государствѣ довольно рано формируется военно-служилый классъ, будущее шляхетство, занявшее среднее мѣсто между аристократіей, съ одной стороны, и низшими служилыми людьми съ другой. Выѣщенное положеніе княжества заставляло великихъ князей литовскихъ думать объ организациі военной силы, безъ которой, конечно, борьба невозможна (старыя княжескія дружины были слишкомъ

^{*)} *серіальное шляхетство.*

*) Служба крестьянская, крестьянскій участокъ.—окладная единица военнои повинности; въ пол. XV ст. считалась въ 1 дворъ.

малочисленны и не удовлетворяли цѣлямъ внѣшней обороны); сама служба должна носить строго принудительный характеръ подѣ строгимъ контролемъ и регламентаціей правительства, что впоследствии отразилось и на самомъ правѣ распоряженія земельной собственностью. Первоначальный составъ военно-служилаго класса отличается большой пестротой и разнообразіемъ. Только впоследствии исчезаетъ эта пестрота въ его составѣ благодаря цѣлому ряду законодательныхъ актовъ. Составъ новаго военно-служилаго класса отчасти былъ подготовленъ предыдущимъ общественнымъ развитіемъ. Прежде всего въ него вошли представители средняго землевладѣнія, которое было распространено въ большей или меньшей степени во всѣхъ земляхъ Литовско-русскаго государства, затѣмъ захудавшія знатныя фамиліи и, наконецъ, военные слуги крупной знати, такъ называемые *milites, sodales* — по терминологіи нѣмецкихъ хроникъ, вои, послужильцы, отроки — по русскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ интересахъ увеличенія численности военно-служилаго класса, правительство брало людей, годныхъ для военной службы, и изъ другихъ общественныхъ элементовъ: мѣщанъ, зажиточныхъ крестьянъ, отдавая имъ земли подѣ условіемъ службы со всѣми „пожитками и ужитками“. Конечно, тяглые элементы, верстанные въ службу, освобождались отъ тягла. Наконецъ, и магнаты верстали своихъ подданныхъ и свободныхъ людей на службу. Часто мелкопомѣстные бояре поддавались крупному пану, превращаясь въ его вассаловъ и отправляя военную повинность подѣ его началомъ. Первое время, до окончательнаго сформированія шляхетства, составъ военно-служилаго класса не отличался особенной устойчивостью: въ него постоянно входили и изъ него выходили новые элементы. Иной переводился на службу боярскую со службы тяглой; съ другимъ поступали какъ разъ наоборотъ; словомъ, лица, несшія боярскую службу, крѣпкими нитями были связаны съ крестьянской тяглой

массой. Съ конца XIV в. начинается медленный процесс консолидаціи шляхетскаго сословія, совершавшійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскихъ идей и понятій.

Шляхетское сословіе въ Литовско-русскомъ государ-^{2) Шляхетское аристократіи,} ствѣ организовалось втеченіе XIV—XVI в.в., и въ его составъ вошли большею частью различные военно-служилые элементы. Какъ не всѣмъ старымъ боярамъ земли удалось удержаться въ средѣ высшаго „стана“ литовско-русской аристократіи, такъ далеко не всѣ служилые люди вошли въ кадры шляхетства: кое-кому изъ нихъ не удалось воспользоваться дарованными и завоеванными правами и привилегіями, смѣшавшись съ верхнимъ слоемъ крестьянства—слугами. Консолида-^{3) привилегіи Ягайлы,} ція шляхетскаго сословія началась съ момента опубликованія Ягайлой своего перваго привиллея въ 1387 г. Воспользоваться привилеемъ могли только лица, принявшія католицизмъ: привилеи предоставляли право боярамъ наравнѣ съ польскою шляхтою владѣть недвижимымъ имуществомъ и свободно имъ распоряжаться, право выхода замужъ вдовамъ, дочерямъ и сестрамъ бояръ—свободно, безъ всякаго принужденія или участія господаря. Наконецъ, привилеи освобождали бояръ-католиковъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы и замковой повинности: постройки новыхъ замковъ и исправленія старыхъ. Въ 1413 г. Ягайло и Витовтъ опубликовали второй привилей, данныйъ всеи шляхтѣ, а не только одному боярству (*barones*), которое, по смыслу привилея, является частью шляхетскаго сословія. Впрочемъ, первоначальный кругъ шляхетскаго сословія не могъ быть особенно великъ: пользованіе его благами связывалось съ принадлежностью къ католической вѣрѣ и полученіемъ отъ поляковъ гербовъ и клейнотовъ вмѣстѣ съ принятіемъ въ польскія гербовыя братства. Зато, конечно, важно принципиальное значеніе привилея: онъ наносилъ серьезный ударъ литовскимъ

магнатамъ, уравнивая ихъ съ шляхтою въ сферѣ гражданской правоспособности и политическихъ правъ: за магнатами фактически остались служебныя прерогативы. Привилеи подтверждали всѣ статьи привилеи 1387 г. и устанавливали должности по польскому образцу, причемъ на всѣ уряды могли назначаться только бояре, принадлежащіе къ католической вѣрѣ (*fidei catholicae cultores et subjecti sanctae romanae ecclesiae*). Наконецъ, привилеи вводилъ сеймы для совѣщанія о благѣ и пользѣ обоихъ государствъ съ правомъ участія пановъ, прелатовъ и шляхты королевства Польскаго и земель литовскихъ. Привилеи Сигизмунда въ 1432 и 1434 гг. имѣли въ виду шляхту, не только литовскую, но и русскую, распространяя на послѣднюю дѣйствіе привилеи 1413 г. Облегчался и самый способъ приобрѣтенія шляхетства: привилеи 1432 г. предоставляли право русскимъ брать гербы у литовцевъ — тѣ самые гербы, которые они получили отъ поляковъ, а литовцамъ ставилось въ обязанность принимать русскую знать въ гербовыя братства по сношенію съ своими польскими одногербовниками. Привилеи 1432 г. не давалъ никакихъ новыхъ правъ по сравненію съ Городельскою хартіею 1413 г.: статья Городельскаго привилеи конфессіональнаго характера осталась неотмѣненной. Нѣсколько шире по содержанію второй привилеи 1434 г. Являясь въ большинствѣ статей повтореніемъ хартіи, изданной два года назадъ, привилеи вводилъ въ жизнь кое-что новое: государь обѣщалъ никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе какъ по суду, отправленному по обычаю земли. Затѣмъ привилеи освобождаетъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ и шляхту отъ платежной дьякла, что еще требовалось привилеемъ 1413 г. *).

б) привилеи Сигизмунда.

в) привилеи Казимира IV.

Слѣдующій привилеи былъ опубликованъ 2-го мая

*) Дьякло—одна изъ самыхъ распространенныхъ государственныхъ полатей, взимавшаяся натурой: рожью, овсомъ, сѣномъ, дровами, а также курами и яйцами, иногда переводилась на деньги.

1447 г. Уловія его появленія намъ извѣстны. Въ исторіи сословныхъ отношеній онъ имѣеть огромное значеніе, наглядно показывая, какого вліянія шляхта уже достигла. Привилей 1447 г. подтверждалъ всѣ прежнія пожалованія, распространялъ свое дѣйствіе на всѣ станы шляхетскаго сословія, какъ собственно Литвы, такъ Руси въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ сохраненіемъ конфессіональныхъ ограниченій. Кромѣ того, привилей давалъ новыя привилегіи, весьма существенныя для политическаго вліянія и значенія военно-служилаго класса: привилей освободилъ шляхетскихъ и мѣщанскихъ подданныхъ не только отъ платежа дякла и отъ барщияныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати—серебщины, за исключеніемъ постройки мостовъ, исправленія замковъ, даванія стацій съ имѣній, пожалованныхъ самимъ Казиміромъ, *) и предоставлялъ „княжатамъ, панамъ, рыцарямъ, шляхтичамъ и боярамъ“ право свободнаго выѣзда за границу „для лѣпшаго ихъ щастія набытія, а любо учинковъ рытерскихъ“ (ст. 4), кромѣ страны неприятельской. Привилей широко обезпечивалъ личныя права статьями, подтверждающими личную неприкосновенность и индивидуальную отвѣтственность за преступленіе. Далѣе, Казиміръ обязывался не принимать на свои земли частно-владѣльческихъ крестьянъ: извѣчныхъ, именитыхъ, невольныхъ, запрещая то же дѣлать владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ (ст. 12); отдавалъ въ руки собственниковъ судъ надъ подданными: отнынѣ подданные не могутъ привлекаться къ великокняжескому суду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, но и въ этомъ случаѣ пени идутъ въ пользу владѣльца. Наконецъ, великій князь обѣщаль раздавать уряды, держанія и владѣнія только литов-

*) Стація, древнее полюдье,—обязанность населенія доставлять князю все нужное для передвиженія по странѣ и солержать его въ своей области.

г) привилей
1492 и 1506 г.

ско-русскимъ туземцамъ. Остальные шляхетскіе привилеи 1492 и 1506 гг. новаго шляхтѣ ничего не дали, за исключеніемъ статьи о неповышеніи людей низшаго званія подѣ шляхтой. Ихъ содержаніе всецѣло относится къ аристократіи, какъ членамъ „господарской рады“.

Привилеи опредѣлили социальное-политическое положеніе шляхты, сдѣлавъ ее господствующимъ сословіемъ въ государствѣ и естественно уменьшивъ прерогативы верховной власти, такъ какъ сборъ „серебщины“ теперь могъ производиться только съ согласія самого военно-служилаго класса, а это вообще было одной изъ причинъ дальнѣйшаго роста его вліянія, постепенно лишавшаго магнатовъ того значенія, которымъ они пользовались въ странѣ на основаніи привилеевъ 1492 и 1506 гг.

д) привилей
XVI в.

Въ XVI в. шляхетскіе привилеи неразъ подтверждались, но новаго они ничего не дали. Впрочемъ, привилей 1547 г. подтвердилъ вольности „пановъ радѣ обоего стану, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго, княжатѣ, панятѣ и всего рыцарства“. Предыдущіе привилеи какъ-то умалчивали о православныхъ, и если православная шляхта фактически пользовалась ими, то все таки это пользованіе было не вполне законно. Послѣ привилея 1547 г. принадлежность къ православію не могло быть причиной непользованія шляхетскими правами со стороны русской шляхты. Въ 1563 г. была отмѣнена и конфессиональная статья Городельскаго привилея.

Общеземскіе шляхетскіе привилеи не отмѣняли дѣйствія тѣхъ статей уставныхъ земскихъ грамотъ, въ которыхъ говорится о мѣстныхъ шляхетскихъ правахъ: такъ, Волынская грамота освобождаетъ панскихъ и шляхетскихъ подданныхъ отъ особой подати—волощины, Кіевская—отъ постановки езовъ для ловли рыбы: церковные, княжскіе и панскіе подданные не должны ходить всѣ на облаву; по Волынской и Кіевской уст. гра-

мотамъ предоставляется право шляхтичу отказаться отъ подсудности мѣстному старостѣ и прямо перенести разборъ своего дѣла на судъ великаго князя.

Въ XV в. литовско-русское право не выработало точныхъ юридическихъ признаковъ, опредѣляющихъ шляхетство того или другого военно-служилаго чело-
вѣка. Изданные привилеи въ этомъ отношеніи противорѣчили другъ другу. Привилеи 1387 требоваль только принятія католицизма; по привилею 1413 года необходимо было взять польскіе гербы; привилеи 1432 ограничивался дозволеніемъ брать гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими однопородниками, а въ привилеѣ 1447 года нѣтъ ни одного слова о томъ критеріи, который могъ служить опредѣленіемъ шляхетства. Найти такой критерій было необходимо вслѣдствіе разнообразія въ составѣ военно-служилаго класса и неопредѣленности терминологіи: въ высшей степени было трудно провести раздѣльную черту между низшими разрядами служилаго сословія и крестьянами — слугами, несшими военную повинность. Такъ, въ XV в. для опредѣленія шляхетства были почти равнозначущи три термина: бояринъ, шляхтичъ, имянинъ, но далеко не во всѣхъ мѣстахъ государства эти термены имѣли тождественный смыслъ: напр., на Волыни терминъ „бояринъ“ не былъ въ употребленіи и собственно означалъ слугу, несшаго военную повинность, но принадлежащаго къ высшимъ разрядамъ крестьянскаго сословія, въ другихъ мѣстахъ бояринъ и шляхтичъ равнозначущи. Мало по малу для опредѣленія привилегированнаго сословія стали употребляться терминъ „шляхта“, хотя онъ не убилъ собою термина бояринъ, которому опять таки можно было придавать различный смыслъ. Опредѣлить признаки шляхетства было необходимо, такъ какъ въ Литовско-русскомъ государствѣ было немало такъ называемыхъ слугъ панцирныхъ, путныхъ, конныхъ, dospѣшныхъ, щитныхъ и просто бояръ, лицъ свободныхъ отъ всякихъ повинно-

3) Опредѣленіе шляхетства и составъ его.

4) терминъ.

стей, но съ обязанностию несенія ими самими и ихъ потомками военной службы. Это въ послѣдствіи, на почвѣ неясности терминологіи и неточности признаковъ шляхетства, создавало немало судебныхъ процессовъ: истцы доказывали, что они „зъ роду и з вѣковъ суть бояре шляхта и здавна, съ предковъ, службу земскую военную прикладомъ иныхъ землянъ служивали“.

в) обособленіе шляхетства.

Обособленіе шляхетства началось въ концѣ XV, а въ первой половинѣ XVI вѣка административная и судебная практика точно выработала признаки, безъ которыхъ невозможно рѣшить о комъ-либо, прирожденный ли онъ шляхтичъ или нѣтъ. Это былъ тѣмъ болѣе необходимо, что классъ бояръ слугъ постоянно увеличивался вслѣдствіе необходимости увеличивать военную силу государства. Немудрено, что жизнь создавала множество недоразумѣній: одни незаконно пользовались шляхетскими правами; другіе, наоборотъ, незаконно ихъ лишались, поднимая судебный процессъ для возстановленія своей чести.

в) доказательствъ шляхетства.

Все это и заставило правительство вмѣстѣ со шляхтой въ руководство для будущаго, издать въ 1522 г. „сеймовую ухвалу“. Устава 1522 г. вся построена на принципѣ давности: если шляхтичъ, доказывающій свое шляхетство, представить двухъ шляхтичей, которые присягнутъ, что онъ отъ прадѣда одного съ ними рода и братъ имъ по кровн, то шляхетство утверждается за нимъ. Устава 1522 г. допускаетъ и одного свидѣтеля подъ условіемъ принесенія присяги лицомъ, доказующимъ свое шляхетство. Впрочемъ, присягу можно замѣнить документами, указывающими на изстаринность боярской службы его предковъ.

Но на практикѣ шляхетство доказывалось и другими средствами, и Статутъ 1529 г. допускаетъ не только показаніе двухъ свидѣтелей, такъ такъ таковыхъ изъ рода отца и матери можетъ не оказаться, но и показаніе бояръ—шляхты околичной. Чужеземцы могутъ

ссылаться на официальные документы, удостоверяющие ихъ благородное происхождение. Доказавшіе свое шляхетство были переписаны въ 1528 г., и впослѣдствіи ссылка на попись 1528 г. служила доказательствомъ шляхетства, а въ 1529 г. по дворовому уставу Сигизмунда I бояре-слуги были обложены тяглыми службами, и тѣмъ самымъ рѣзко проведена демаркаціонная черта между боярами шляхтой и боярами не шляхтой. Послѣдующее законодательство дѣйствовало въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ, ядро „прирожденныхъ шляхтичовъ“ составили потомки тѣхъ лицъ, которые въ эпоху первыхъ привилеевъ исполняли „боярскую службу“.

Роды шляхетства не оставались замкнутыми: общее количество шляхты постоянно увеличивалось благодаря пожалованіямъ. Обыкновенно, великій князь возводилъ въ шляхетское званіе ратныхъ людей, разныхъ дворцовыхъ и канцелярскихъ чиновниковъ. Всѣмъ имъ жаловались вольность, свобода и право шляхетское, и утверждался гербъ, который, въ концѣ концовъ, являлся лучшимъ показателемъ шляхетскаго происхожденія того или другого лица. О полученіи герба стали хлопотать и тѣ, кто его раньше не имѣлъ. Шляхетство жаловалось не только за личныя заслуги: принимались во вниманіе заслуги братьевъ, родственниковъ. Шляхетское званіе, такъ или иначе приобретенное, могло быть по разнымъ причинамъ утрачено. Послѣдующее законодательство, въ статутахъ 1566 и 1578 г., опредѣлило преступленія, за которыя по суду утрачивается шляхетское званіе.

Изъ всего сказаннаго видно, что составъ шляхетскаго сословія далеко неоднороденъ, не смотря на однородность пожалованныхъ правъ. Статутъ 1529 года, кодифицировавшій литовско-русское право, отмѣтилъ неоднородность въ составѣ шляхты. Статутъ дѣлитъ шляхетскій станъ на два разряда: высшій и низшій. Къ первому относятся: прелаты, княжата и паны хоругвовные,

е) приобретенное и потерянное шляхетство.

г) разряды шляхетства.

ко второму рыцарство-шляхта. Сообразно этому въ Статутѣ 1529 г., рядомъ со статьями, имѣющими отношенія ко всему шляхетскому сословію безъ различія его разрядовъ, встрѣчаются статьи, относящіяся спеціально къ высшему разряду шляхетства.

4) Права шляхетства.

Привилеи 1387—1506 г. въ общихъ чертахъ намѣтили ту сумму политическихъ и гражданскихъ правъ, которыми пользовалось шляхетское сословіе.

Статутъ 1529 г. повторилъ всѣ права, полученныя шляхтой при посредствѣ привилеевъ, пополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми и болѣе подробно развивъ нѣкоторыя статьи привилеевъ. Сообразно дѣленію шляхетства на два стана, и законодательство Статута о шляхетствѣ дѣлится на два вида: обще-шляхетское и поразрядное. Коснемся сначала перваго.

а) общія права.

На первомъ планѣ стоитъ охрана личной неприкосновенности. Всякаго шляхтича можно подвергнуть судебной карѣ и другимъ правоограниченіямъ только по суду явному, основанному на основаніи достаточныхъ свидѣтельствъ (Раз. I, 1). Нельзя безъ вины отнять у шляхтича разныя держанія (III, 5). Отвѣтственность за преступленія должна быть индивидуальной (I, 7). Для всѣхъ устанавливается одно право (I, 8). За шляхтой остается право ненарушимаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ: „отчиной тежъ и имѣніями, пожалованными отъ господаря“, но право распоряженія происходитъ только въ рамкахъ, установленныхъ закономъ (III, 9; I, 17); право свободнаго вывода замужъ вдовъ и дочерей. Шляхетскіе подданные освобождаются „отъ платовъ и отъ подводъ и отъ работъ“, за исключеніемъ „стародавнихъ звичайныхъ обычаевъ“: „подымоване стацей, звичайныхъ мосты старые поправляти, и тамже на тыхъ старыхъ местехъ дельницы свои знову будовати мостовъ новыхъ будованія и подводъ подъ гонды наши дованя, гдѣ эстародавна давали суть“ (I, 22). Укрѣпляется вотчинная юстиція (VI, 10). Шляхтичи имѣютъ право поѣздки за границу „для поученія учинковъ рыцор-

ских“, за исключеніемъ непріятельской земли (Ш, 8), „и уѣзда“ съ движимымъ имуществомъ отъ пановъ, которымъ они поддались (Ш, 15). Къ политическимъ правамъ шляхты можно отнести установленіе новыхъ законовъ на „вольномъ сойме“ (VI, 1), право участія выборныхъ шляхтичей въ количествѣ двухъ на судѣ княжескихъ урядниковъ (VI, 3). Наконецъ, практика говорила еще о правѣ шляхты участвовать въ избраніи государя и рѣшеніи разныхъ государственныхъ вопросовъ. Впрочемъ, порядокъ участія на сеймахъ не для всѣхъ былъ одинаковъ: паны лично являлись на сеймъ, а шляхта призывалась поголовно, и только при Сигизмундѣ I появляются первые зародыши ея постоянного представительства.

Особыя права литовско-русской аристократіи мож-<sup>о) право ли-
товско-рус-
ской аристо-
кратіи.</sup>но представить въ слѣдующемъ видѣ. За аристо-
кратіей закрѣпляется ея положеніе, созданное приви-
лѣями 1492 и 1506 г. (Ш, 1): она освобождается отъ
подсудности провинціальной администраціи (VI, 1);
она призывается на судъ господаря за 4 недѣли до
срока (VI, 4), жалобы на радныхъ державцевъ подаются
не воеводѣ, а господарю или панамъ радѣ (VI, 1), на-
конецъ, князя, и паны имѣютъ право выступать на войнѣ
подъ собственной хоругвью (II, 2), выставляя отряды
вооруженныхъ бояръ и слугъ.

Низшій разрядъ шляхты имѣлъ свои особыя права, <sup>о) право ры-
царства.</sup>закрѣпленныя Статутомъ: шляхтича можно привлекать
къ суду только судебными повѣстками: дѣтскаго
для привода на судъ можно посылать только послѣ
двукратной повѣстки (IV, 4); шляхтичи неподсудны дер-
жавцамъ, которые недавно были тивунами (VI, 33); на
судѣ провинціальный—воеводы, старосты, моршалковъ
земскаго и дворного, державцевъ — поступаетъ аппеляція
къ господарю и панамъ-радѣ, если административныя
должности были заняты лицами изъ среды пановъ
рады (VI, 1); если державца былъ не изъ пановъ, то ап-
пеляція поступаетъ къ воеводѣ (VI, 1); шляхтичь, под-

давшійся подъ какого-нибудь пана, имѣеть право въ любой моментъ уйти отъ него, вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ (III, 15), но пока онъ находился подъ паномъ, онъ подлежалъ юрисдикціи послѣдняго. Наконецъ, за шляхетствомъ оставалось право во время судебного процесса оправдываться отъ возводимого обвиненія посредствомъ присяги, принимающей въ такомъ случаѣ характеръ неопровержимаго доказательства (I, 4; III, 2, VII, 21—22), а также право на усиленное вознагражденіе за посягательство на жизнь и здоровье.

г) шляхетское
землевлѣдѣ-
ннѣ.

Помимо указанныхъ выше правовыхъ отличій, жизнь создала весьма крупное различіе въ сферѣ землевлѣдѣнія. Практика жизни различали три вида землевлѣдѣнія: къ первому относятся имѣнія, надъ которыми нѣтъ верховнаго собственника, — съ государемъ собственники связаны только отбываніемъ военной повинности; ко второму и третьему относятся имѣнія, надъ которыми верховнымъ собственникомъ былъ господарь или крупный панъ, которые могли свое владѣніе въ любой моментъ передать въ руки другого лица, а шляхта, не желавшая быть подъ его рукою, должна была уйти съ земли. Впрочемъ, въ послѣдствіи шляхтѣ удалось закрѣпить за собою отчинныя имѣнія, приравнявъ ихъ къ первому виду землевлѣдѣнія, въ томъ отношеніи, что такія земли не могли быть никому отданы.

д) Повинности
шляхетства.

Главной государственной повинностью всей шляхты, не исключая и духовенства, была военная служба, соединенная съ правомъ землевлѣдѣнія. Всѣ землевлѣдѣльцы, какого бы рода собственность они ни имѣли, должны были являться на войну „подле уфалы“ земской. А земская Устава въ 1528 г. постановила, что одинъ конь, т. е. всадникъ, выставляется съ 8 крестьянскихъ службъ. Всѣ должны становиться подъ своею повѣтовой хоруговью, заисключеніемъ „пановъ хоруговныхъ“, выходившихъ подъ своей хоруговью (II, 2). Отъ службы освобождала болѣзнь при условіи выставленія на свое

мѣсто сына или слуги (II, 5); неявка на войну влечетъ за собою потерю имѣнія (II, 7), какъ и самовольный отъѣздъ домой (II, 11). Духовенство должно было отбывать лично службу „съ закупного имени“, въ другихъ видахъ землевладѣнія оно освобождалось отъ личной военной службы (II, 3).

2) Мѣщане.

По мѣрѣ выдѣленія шляхетскаго сословія происходило выдѣленіе въ особую общественную группу и мѣщанскаго сословія.—Это процессъ давнишній. Уже ко времени татарскаго ига въ русскихъ областяхъ начала порываться связь между городомъ и волостью благодаря развитію частнаго землевладѣнія и развитію торговой дѣятельности въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ городовъ. Появленіе городовъ въ Литвѣ — фактъ довольно поздній: по существу это были первоначально крѣпости, охранять которыя и поддерживать составляло обязанность всего населенія. Но и тутъ подрывалась связь съ округой благодаря образованію многочисленнаго военно-служилаго, класса, на обязанности котораго лежала военная защита страны. Собственно городскіе жители, не имѣвшіе земли за чертой города, не несли военной повинности, и вся защита города ограничивалась починкой городской стѣны и содержаніемъ стражи. Въ городахъ жители стали заниматься ремеслами и торговлей, и это еще болѣе отдѣлило ихъ отъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія. Конечно, не во всѣхъ городахъ были для этого подходящія условія, но относительно нѣкоторыхъ это можно сказать съ увѣренностью: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, въ землѣ Полоцкой, Витебской, Смоленской и Сѣверской, наконецъ на югѣ— въ западномъ Подольѣ и Волыни были города, гдѣ промыселъ и торговля въ большей или меньшей степени были

развиты, что зависѣло преимущественно отъ близости или отдаленности заграничныхъ рынковъ.

Магдебургское
(нѣмецкое)
право.

Литовское правительство прекрасно учитывало значеніе торговли и промышленности для государственнаго хозяйства и принимало рядъ мѣръ въ ихъ интересахъ. Одной изъ такихъ мѣръ являлось пожалованіе городскому населенію магдебурскаго права, прививавшагося не безъ польскаго вліянія. Правительство въ интересахъ развитія торговли и промышленности даровало городамъ т. н. магдебургское право, выработавшееся на западѣ самоуправленіе, съ цѣлью пробужденія самодѣятельности города. Магдебургское право прививалось довольно быстро, такъ какъ въ быту городовъ были нѣкоторыя данныя для его воспріятія, и, несомнѣнно, содѣйствовало, ихъ процвѣтанію. Полученіе городомъ самоуправления было все равно неизбѣжно, а нѣмецкое право давало внѣшнюю форму его, нисколько не убивая мѣстнаго права и мѣстныхъ обычаевъ. Дальнѣйшее паденіе городовъ надо ставить въ связь съ паденіемъ заграничной транзитной торговли и измѣненіемъ торговыхъ путей въ связи съ развитіемъ денежнаго хозяйства въ Европѣ, а также съ нарушеніемъ равновѣсія въ сословныхъ отношеніяхъ благодаря исключительнымъ торговымъ привилегіямъ шляхты. Нѣмецкое право по Руси распространялось постепенно: началось его распространеніе съ собственно Литвы, идя отъ нея по радіусамъ къ окраинамъ. Въ 1387 г. получаетъ нѣмецкое право Вильна, въ 1390—Берестье и Подляшье, въ 1391 г. Гродно и Ковно, черезъ который шла торговля воскомъ за границу. При Витовтѣ магдебургское право получаетъ рядъ городовъ по Бугу: Берестье въ 1408, Дорогичинъ въ 1429 г., Бѣльскъ въ 1430 г. При Свидригайллѣ въ 1432 г. Луцкъ, Кременецъ въ 1438 г. Затѣмъ идутъ Полоцкъ въ 1498 г., Минскъ—въ 1499 г. Особенно сильно распространялось магдебургское право въ XVI в., когда Литва пережила исключительный торгово-промышленный подъемъ.

и когда уже обрисовались наиболее важные торговые центры. Сущность магдебурскаго права заключалась въ освобожденіи городскаго населенія отъ юрисдикціи мѣстной администраціи и предоставленіи городу сословнаго самоуправленія на корпоративныхъ началахъ. Въ городахъ устанавливался свой судъ, имъ предоставляется право заботиться о городскомъ благоустройствѣ, развитіи торговли и промышленности. Конечно, формы самоуправления въ разныхъ городахъ отличались другъ отъ друга. Обыкновенно, при первоначальномъ дарованіи магдебурскаго права, во главѣ города стоитъ *войтъ*, назначаемый государемъ; въ рукахъ войта сосредоточивалось управленіе и судъ надъ горожанами по уголовнымъ дѣламъ. Обычно войтъ судилъ не одинъ, а совмѣстно съ *лавниками*—пожизненными присяжными изъ мѣщанъ. Текущее управленіе находилось въ рукахъ совѣта—*рады*. Ея члены—*райцы*—назначались войтомъ изъ кандидатовъ общины. Совмѣстно съ радой войтъ выбиралъ *бурмистровъ*, двухъ и больше, бывшихъ предсѣдателями городскаго совѣта. Въ концѣ года рада отдавала отчетъ въ своей дѣятельности передъ всѣмъ посольствомъ. На раду можно было жаловаться войту, послѣдній находился подъ юрисдикціей самаго великаго князя.

Впослѣдствіи городамъ удалось выкупить должность войта. Тогда выдвигается на первый планъ городской советъ, вѣдавшій полицію, гражданскій судъ, городскія имущество, вадзиравшій за торговлей, правильностью мѣръ и вѣсовъ и отчасти смотрѣвшій и за нравственностью гражданъ. Рада издавала обязательныя постановленія, и все посольство было обязано ихъ исполнять. Когда должность войта была выкуплена, то рада составлялась по-другому. Городская община была совершенно устранена отъ участія въ ея пополненіи: рада сама выбирала членовъ на мѣсто выбывшихъ. Тогда же и выборъ лавниковъ перешелъ въ радѣ. При такомъ положеніи дѣла посольство, въ широкомъ смыслѣ этого слова, было лишено

участія въ управленіи, которое сосредоточилась въ рукахъ купеческой аристократіи, захватившей раду. Въ городахъ началось броженіе, и кое-гдѣ городскому посольству, ремесленникамъ, разбившимся на цехи, удалось добиться организациі особаго городского совѣта изъ 40 членовъ, захватившаго въ свои руки законодательную власть.

Такова сущность магдебурскаго права въ теоріи. На практикѣ часто бывало подругому: въ городахъ не было отдѣльной рады и лавничаго суда. Часто то и другое составляло одно собраніе. Количество радцевъ и бурмистровъ въ городахъ было разное. Въ городахъ съ населеніемъ православнымъ и католическимъ положеніе дѣль ухудшалось отъ нетерпимости католицизма. Вмѣшательство королевскихъ урядниковъ, которые часто „дѣлали кривды великіе“, также не могло благоприятствовать правильному развитію городского самоуправления. Города, получавшіе нѣмецкое право, освобождались отъ разныхъ натуральныхъ повинностей, взаменъ чего платили въ казну денежные подати съ разныхъ торговъ и промысловъ. По примѣру господаря нѣмецкое право раздавалось и крупными землевладѣльцами, которые вмѣшивались постоянно въ городскую жизнь и обыкновенно сводили на нѣтъ дарованное право.

Обособленіе
городовъ.

Магдебурское право, конечно, рѣзко обособило городское населеніе отъ другихъ разрядовъ населенія. Правда, мѣщане пока не лишились права землевладѣнія и несли съ земель военную службу, но и послѣднее фактически только терпѣлось уже къ эпохѣ перваго Статута. Не удалось городамъ завоевать и представительства на вальныхъ сеймахъ, на которыхъ законодательствовала шляхта, издавая законы узко-сословнаго характера, и подрывая тѣмъ самымъ городъ, какъ торгово-промышленную единицу.

3) Сельское населеніе.

Институтъ рабства былъ знакомъ Руси въ кiev-
 скій періодъ исторіи; литовско-русское право его хо-
 рошо знаетъ подъ именемъ „паробковъ“, холоповъ. Его хозяйственное значеніе было двойко: часть челяди употреблялась въ качествѣ дворовыхъ слугъ, получая содержаніе отъ собственника; другая часть жила за дворомъ, на небольшихъ земельныхъ участкахъ, „приробкахъ,“ и имѣла свою собственную движимость—бонду. Юридически между этими двумя разрядами нѣтъ никакой разницы: вся невольная челядь лишена какой бы то ни было гражданской правоспособности. Невольниками становились: дѣти рабовъ, плѣнники, неволю влекъ бракъ свободной стороны съ несвободной; кромѣ того, смертную казнь можно было замѣнить рабствомъ, неплатный долгъ также велъ къ невольничеству. Статутъ 1578 г. уже не знаетъ невольничества, приравнявъ невольниковъ къ отчичамъ. Трудно опредѣлить количество невольниковъ вообще въ частныхъ имѣніяхъ, но въ господарскихъ имѣніяхъ въ половинѣ XVI в. общее число ихъ незначительно, благодаря измѣнившимся условіямъ хозяйства и усиленной эксплуатаціи собственно крестьянскаго населенія. Невольниковъ могли имѣть только одни христіане, хотя первоначально ихъ имѣли и служебные татары.

Холопы

Положеніе крестьянства въ Литовско-русскомъ го-
 сударствѣ измѣнялось по мѣрѣ роста шляхетскаго со-
 словія. Раскрѣпощеніе послѣдняго вело къ постепенному закрѣпощенію перваго, и ко времени опубликованія перваго Статута можно считать институтъ крѣпостного права достаточно сложившимся съ рѣзко выраженнымъ личнымъ характеромъ. Такова въ общихъ чертахъ судьба крестьянства, жившаго на частно-владѣльческихъ земляхъ. Подобный же процессъ совершался и въ жизни государственныхъ крестьянъ съ тою только разницей, что здѣсь закрѣпощеніе совершилось

Крестьяне

значительно позже, начиная со второй половины XVI в., въ связи съ аграрной реформой Сигизмунда-Августа. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что хорошо знакомаго сѣверо-восточной Руси термина „крестьянинъ“ литовско-русское право совсѣмъ не знаетъ, употребляя выраженія мужики, подданные. Литовско-русское крестьянство вообще не было однородной массой по своему составу. Въ зависимости отъ повинностей, которыя они несли, сидя на землѣ частно-владѣльческой и господарской, крестьяне дѣлились на нѣсколько разрядовъ: 1) людей тяглыхъ, 2) данниковъ и людей специальныхъ службъ 3) слугъ-путниковъ и панцирныхъ бояръ. Характеръ повинностей того или другого разряда опредѣлялся въ зависимости отъ характера господарскаго или частно-владѣльческаго хозяйства.

тяглые. Тяглыми, дякольными людьми, назывались крестьяне, обязанные исполнять всякаго рода хозяйственныя работы и платить оброкъ. Эти тяглые люди составляютъ главную массу крестьянскаго населенія, какъ основная рабочая сила господарскихъ и частныхъ имѣній. Тяглые сидѣли на особыхъ участкахъ, съ которыхъ и несли свою службу. Такой участокъ назывался въ разныхъ мѣстностяхъ поразному. Часто на участкѣ жило нѣсколько семей. Съ начала XVI в. увеличивается издѣльная повинность крестьянъ, благодаря развитію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельскаго хозяйства. Натуральные повинности, въ XVI в. иногда переключиваемыя на деньги, назывались „дякло и мезлева“, — подати съ всего того, что уродилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кроме того, тяглые люди давали подводы, когда это требовалось для нуждъ пана или господаря.

4) данники. Къ тяглымъ людямъ по своему юридическому состоянію тѣсно примыкали крестьяне, несшія разныя специальныя службы по хозяйству и промышленности, данники; впрочемъ, громадное число послѣднихъ сидѣло на господарскихъ земляхъ въ Подвинскихъ и Поддѣнар-

скихъ волостяхъ, гдѣ для развитія промысловаго хозяйства были наиболѣе подходящія условія. Къ этой группѣ можно отнести: бобровниковъ, бортниковъ, осочниковъ, псарцовъ, ловцовъ, сокольниковъ,² свинуховъ, конюховъ, кобыльниковъ, дойлицъ, плотниковъ, рудниковъ, рыболововъ, дегтярей, млынарей. Къ данникамъ относятся также лица, платившія государю „дани“ изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ угодій. Такіе данники платили дань медовую, бобровую, куничную.

Высшимъ слоемъ крестьянскаго населенія являлись ^{в) слуги путные,} слуги путные, шитные, dospѣшные, конные. Они несли военную службу, исполняли всякаго рода порученія, связанные съ разъѣздами; но кромѣ того отбывали тягло, правда въ незначительномъ размѣрѣ, что и приближало слугъ въ юридическомъ отношеніи къ тяглымъ людямъ.

Развитіе въ Литвѣ частнаго землевладѣнія—фактъ довольно ранній, вмѣстѣ съ нимъ постепенно исчезали землевладѣльцы—крестьяне, а внѣшнія и внутреннія обстоятельства, конечно, благоприятствовали этому процессу обезземеленія. Крестьянамъ приходилось садиться на земляхъ частновладѣльческихъ, на извѣстныхъ условіяхъ, причемъ послѣднія отнюдь не ограничивали ихъ юридической свободы. Крестьянинъ былъ вольнымъ, похожимъ человѣкомъ и могъ уйти, когда хотѣлъ. На дѣлѣ этого не было: крестьяне подолгу сидѣли на одномъ мѣстѣ, обзаводились хозяйствомъ и старались увеличить его доходность, передавали его по наследству, мѣняли. Собственники не обращали на эти дѣлки никакого вниманія, т. е. фактически одобряли ихъ, заинтересованные только въ правильномъ отбываніи повинностей и платежѣ даней.

Но мало по малу вся эта крестьянская масса закрѣпощается, появляется особый родъ непохожихъ людей, потерявшихъ право выхода. Для крестьянъ частновладѣльческихъ крѣпостная неволя стала фактомъ уже въ половинѣ XV в. Въ настоящее время трудно ска-

Положеніе крестьянъ,
а) на частновладѣльч. земляхъ.

зять съ достовѣрностью, какъ создалось „непохожее“ крестьянство, но несомнѣнно, что на его генезисъ вліяли и юридическая природа тогдашняго землевладѣнія и экономическая зависимость крестьянина отъ помѣщика и наоборотъ. Потерявшіе право выхода крестьяне стали называться отчичами, какъ подолгу жившіе на одномъ участкѣ, „непохожими“, „извѣчными“, и, согласно привилею 1447 г., такихъ людей нельзя было принимать на господарскія земли. Такъ возникло прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу, къ службѣ, а шляхетскіе привилеи придали возникшему крѣпостному праву характеръ личной зависимости, освободивъ частновладѣльческое крестьянство отъ платежа даякла и другихъ государственныхъ повинностей, а также отъ господарскаго суда, съ передачей подъ присудъ своего пана. Литовскій Статутъ 1529 г., поскольку онъ касается крѣпостного права, также указываетъ на личный характеръ прикрѣпленія „отчинныхъ людей“. Статутъ допускаетъ возможность покупки крестьянъ безъ земли (разд. I, 8, 15; VIII, 21), передачи ихъ по наслѣдству (V, 14). Такъ, постепенно крестьянинъ становился подданнымъ своего пана. Последующее законодательство не отмѣнило класса вольныхъ людей, но втеченіе XVI в. онъ почти исчезъ фактически, и крестьянство превратилось въ тягловцовъ, имущество которыхъ составляло собственность помѣщика.

на земляхъ
господарскихъ.

Положеніе крестьянъ, жившихъ на земляхъ государственныхъ, было нѣсколько иное. Нельзя забывать, что въ лицѣ литовскаго великаго князя они имѣли не только обыкновеннаго пана, но также и государя, подданными котораго они всегда были. Это послѣднее обстоятельство и мѣшало литовскому великому князю превратиться въ обыкновеннаго пана. И на господарскихъ земляхъ былъ особый разрядъ крестьянъ, называемыхъ „отчичами“, но положеніе этихъ отчичей было другое, чѣмъ частновладѣльческихъ. Отчичи не были прикрѣплены къ лицу своего государя:

они могли уйти, посадивъ на свое мѣсто другого челоука и переложивъ на него все лежавшее на себѣ службы. Но даже и такое обязательственное прикрѣпление было далеко не повсемѣстнымъ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ ранняго прикрѣпления въ Подиѣпрскихъ и Подвинскихъ волостяхъ. Впрочемъ, разница въ юридическомъ положеніи тѣхъ и другихъ зависѣла отъ системы использованія ихъ труда со стороны правительства. Въ собственно Литвѣ и Черной Руси правительство имѣло дѣло съ отдѣльными, разной величины, службами крестьянъ, и оно слѣдило за точнымъ ихъ выполнениемъ. Въ Подиѣпровьи и Подвиньи еще существовала въ первой половинѣ XVI в. волость. Правительство накладывало повинности на волость общою суммою, а раскладка ея между членами волости происходила на волостномъ вѣчѣ. Вѣче выбирало особыхъ пановъ-старцевъ: они исполняли постановленія вѣча, собирали слѣдующія дани и отдавали администраціи. Они же отстаивали самостоятельность волости отъ „вѣздовъ“ въ нее администраціи и нарушенія „звыклыхъ обычаевъ“. Въ западной половинѣ княжества обще-волостная организація довольно рано сошла со сцены: съ переходомъ къ земледѣлію сохранить ее, конечно, было невозможно. Этимъ объясняется устройство крестьянскихъ службъ, которое давало возможность болѣе точнаго опредѣленія скарбовыхъ доходовъ. Что касается восточной половины, то здѣсь и въ половинѣ XVI в. промысловое хозяйство являлось доминирующимъ, и земледѣліе почти не имѣло мѣста. Восточная половина княжества какъ разъ и пополняла королевскіи скарбы тѣми „данями“, которыхъ не могло дать дворцовое хозяйство на западной половинѣ. Этимъ объясняется, почему правительство сохраняло волостную организацію и удовлетворяло ея жалобы на администрацію. Но въ половинѣ XVI в. замѣтно разложеніе волостной организаціи. Волость пустѣетъ. Жители разбѣгались, а оставшимся не подъ силу платить повинности полностью. Поэтому прави-

Служба в
волость.

тельство перестало выпускать „отщичей“ и требовало ихъ обратно, запретивъ державцамъ принимать ихъ въ другія волости. Въ общемъ, и здѣсь намѣчалась тенденція имѣть дѣло не только съ волостью, а и съ крестьянскою службой.

Золотая реформа.

Во второй половинѣ XVI в. правительство намѣтило и осуществило грандіозную аграрную реформу, совершенно измѣнившую юридическое и экономическое положеніе господарскаго крестьянина. Аграрная реформа совершенно разрушила старыя формы крестьянскаго уклада. Необходимость аграрной реформы уже давно чувствовалась, а во второй половинѣ вѣка она стала прямо таки настоятельной. Надо было поднять доходность дворцоваго хозяйства въ цѣляхъ увеличенія ресурсовъ господарскаго скарба, который переживалъ хроническій кризисъ, благодаря обострившимся внѣшнимъ отношеніямъ. Да и независимо отъ Литвы его состояніе было неблестяще: революція цѣнь въ Европѣ вызвала такое же пониженіе цѣнности серебра и въ Литвѣ, что было особенно ощутительно именно здѣсь благодаря слабому экономическому развитію Литвы. Къ тому же перемѣна направленія торговыхъ путей, повлекшая упадокъ прибалтійскихъ странъ, сократила до минимума транзитную торговлю и вызвала уменьшеніе мытныхъ пошлинъ. Правительство и въ началѣ XVI в. вывозило въ Европу разнаго рода сельско-хозяйственные продукты. Теперь на нихъ былъ особенный спросъ. Удовлетворить потребности рынка только и было возможно путемъ интенсификаціи сельскаго хозяйства, а ее то имѣла въ виду аграрная реформа Сигизмунда II Августа. Сущность реформы заключалась въ болѣе точномъ опредѣленіи размѣровъ крестьянскихъ участковъ, равномерномъ ихъ распредѣленіи между крестьянами, при условіи фиксаціи платежей и повинностей. До сихъ поръ крестьянскіе участки были неравномѣрны, и не было никакой опредѣленной системы въ опредѣленіи платежей, да и

собственно господарская пашня была относительно небольших размѣровъ. Переобрѣвъ всю землю и раздѣливъ ее на однообразные участки—волоки (около 19¹/₂ десятины), правительство роздало крестьянамъ однообразные участки и ввело однообразныя повинности, съ выдѣленіемъ части земли и угодій подь собственно господарскую пашню, продукты съ которой предназначались для иностраннаго вывоза. Такая волочная помѣра была введена въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ еще Сигизмундомъ I. Его сынъ въ 1557 г. задумалъ ввести ее во всѣхъ областяхъ, за исключеніемъ Подвинья и Поднѣпровья: тамъ она была введена въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Съ переходомъ къ волочной помѣрѣ вводилось принудительнымъ путемъ трехполье. Волочная устава убила послѣдніе остатки волостной организаціи и поставила крестьянина въ непосредственныя отношенія къ державцамъ и старостамъ. Обыкновенно крестьяне получали по одной волокѣ, высшіе разряды—по двѣ. Если оставались волоки неразобранными, то они раздавались крестьянамъ подь условіемъ платежа чинша. Введеніе новой устава сопровождалось бѣгствомъ крестьянъ, не желавшихъ примириться съ новыми аграрными отношеніями. Производя помѣру земли, иногда мѣрники „припускали“ и сосѣднія земли на шляхетскомъ правѣ, отчего создавалось множество исковъ. Иногда въ интересахъ хозяйства допускалась мѣна имѣніями между паномъ и господаремъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены и большею частью переложены на чиншъ. Конечно, новыя хозяйственныя отношенія могли поднять доходность крестьянскаго хозяйства, но бдительный контроль администраціи въ лицѣ войта парализовалъ крестьянскую инициативу и приводилъ часто къ обратнымъ результатамъ.

Волочная помѣра не прикрѣпила крестьянина къ землѣ: и теперь онъ могъ уйти, посадивъ на свое мѣсто другое лицо, но фактически это было невозможно, такъ что количество „вольныхъ“ все болѣе и болѣе

сокращалось. Крестьянину приходилось оставаться на своемъ участкѣ, всецѣло предоставленному опека мелкой администраціи. Последняя же блюла не только интересы фиска, но и свои собственные. Благодаря этому экономическое положеніе крестьянства только ухудшалось, а свобода ухода смѣнялась крѣпостной неволей.

Х. Политическій строй.

1) Великій князь, органы центр. и мѣстн. управленія.

Вѣсть великаго князя Литовскаго.

Въ половинѣ XV в. въ Литовско-русскомъ государствѣ исчезли послѣдніе остатки удѣльной системы. Великій князь очутился во главѣ единого, но сложнаго по формѣ государства, княземъ-отчичемъ всѣхъ земель княжества. По существу, великій князь—неограниченный монархъ: его дѣйствія не связаны никакими правоограниченіями, и такимъ онъ оставался до конца XV в., когда ему пришлось раздѣлить власть съ панами-радой. Но по отношенію къ землямъ-аннексамъ суверенитетъ великаго князя сталкивался съ правами земель, неоднократно подтверждаемыми господами, хотя въ предѣлахъ „права земли“ его власть оставалась неограниченной. Только въ Литвѣ, по примыкавшимъ къ ней землямъ, да въ разбросанныхъ по территоріи подарскихъ волостяхъ суверенность его власти была полная. Здѣсь не происходило столкновенія права земли съ волей великаго князя. По отношенію къ послѣдняго рода землямъ великій князь являлся настоящимъ княземъ-вотчинникомъ, чего сказать нельзя относительно земель-аннексовъ.

Кругъ его дѣятельности.

Обычный кругъ дѣятельности литовскихъ господрей трудно очертить съ извѣстною опредѣленностью, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ необыкновенно разностороненъ и широкъ. Въ рукахъ господаря сосредоточиваются всѣ нити управленія, какъ въ области вѣшной такъ и внутренней политики. Опъ прини-

масть мѣры по оборонѣ страны, издаетъ законодательные акты и назначаетъ должностныхъ лицъ, непосредственно разбираетъ юридическіе казусы. Положеніе его въ странѣ двойственное: онъ не только „господарь“, но и богатѣйшій вотчинникъ: доходы съ господарскихъ вотчинъ составляли едва ли не главную доходную статью великокняжескаго скарба. Великому князю приходится не только быть государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но и сосредоточить въ своихъ рукахъ верховный надзоръ по управленію господарскими имѣніями.

Выступая въ качествѣ верховнаго распорядителя—государя, великій князь былъ заваленъ массой всякихъ дѣлъ. Великій князь утверждалъ собственной властью всякаго рода сдѣлки съ недвижимыми имуществами, разбиралъ поземельныя тяжбы, споры о межахъ, дѣла о холопствѣ, денежныя тяжбы, дѣла о грабежѣ, насилиі, безчестіи. Великій князь держался того взгляда, „что виненъ его милость каждому съ подданныхъ своихъ, а злѣща тымъ, которые съ жалобами своими нез его милость приходятъ, справедливость дѣлати зъ вирхности своее господарское“.

Двойственное положеніе великаго князя отразилось на составѣ органовъ центральнаго управленія. Появленіе однихъ приходится поставить въ связь съ необходимостью вести дворцовое хозяйство, появленіе другихъ связано съ заботами объ интересахъ государства, такъ какъ паденіе удѣловъ поставило передъ литовскимъ государемъ рядъ задачъ и цѣлей въ области внѣшней и внутренней политики, осуществленіе которыхъ было невозможно безъ посредства соотвѣствующихъ должностныхъ лицъ. Это и вызвало появленіе органовъ центральнаго управленія, земскихъ по своему характеру.

Общее количество дворцовыхъ урядниковъ было значительно, что отчасти вызывалось усиліемъ придать великокняжескому двору больше пышности. Къ числу дворцовыхъ урядниковъ можно отнести *маршалка земскаго и*

Центральное
управленіе

а) дворцовые
уряды

дворною, на обязанности которых лежало устройство придворных церемоний, прием гостей, приехавших к господарю, отведение квартир „станамъ“, съѣхавшимся на сеймъ, опубликование различныхъ обязательныхъ постановлений въ мѣстахъ пребыванія господарской квартиры, начальство надъ господарскими дворянами, служившими при дворѣ и исполнявшими различныя правительственныя порученія административнаго и судебного характера. Обязанности маршалка при великой княгинѣ выполнялъ „охмистръ“. Такое же придворное значеніе имѣлъ „подचाший“, вѣдавшій напитки, подаваемые къ господарскому столу; чашиникъ, наливавшій напитки господарю; крайчій—разрѣзавшій кушанія, подаваемые къ столу великаго князя; стольникъ и подстой, завѣдывавшіе сервировкой великокняжескаго стола; кухмистръ—завѣдывалъ господарской кухней, конюшій—завѣдывалъ придворными конюшнями, ловчій—охотой, подкоморій—порядкомъ и убранствомъ внутреннихъ покоевъ; ложеничій—господарской опочивальней, мечникъ, державшій мечъ передъ великимъ княземъ во время различныхъ торжественныхъ церемоній. Къ числу такихъ же придворныхъ урядниковъ можно причислить и подскарбія *дворною*, специально вѣдавашаго господарское имущество—доходы, поступавшіе на содержаніе великокняжескаго двора; эти доходы составлялись изъ „личныхъ“ имѣній господара и поступлений изъ общаго земскаго скарба.

Подъ началомъ всѣхъ этихъ придворныхъ чиновъ находилось множество низшихъ служителей, получавшихъ за свой трудъ вознагражденіе дачею земли, денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба.

Къ органамъ земской центральной администраціи относится—*подскарбіи земскій*, завѣдывавшій всѣми поступлениями въ господарскій скарбъ и провѣрившій отчетность мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ налоговъ, выдававшій изъ „скарба“ деньги или вещи по приказанію господара и составлявшій кассовую отчетность. Кроме того, подскарбіи земскій хра-

нили въ „скарбѣ“ подлинники договоровъ съ иностранными державами и другіе подлинные акты, литовскую метрику, разные государственныя регалии: скипетръ, мечъ, хоругвь, а также огнестрѣльное оружіе и боевыя припасы. Общее же управленіе финансовымъ хозяйствомъ находилось въ рукахъ господаря и его рады: подскарбій земскій являлся пока только исполнителемъ чуждой воли и не имѣлъ никакого самостоятельнаго значенія. Иногда обязанности подскарбія земскаго возлагались на подскарбія дворнаго, — преимущественно въ отсутствіе перваго. Большое значеніе среди центральныхъ органовъ имѣлъ *канцлеръ*, обыкновенно въ то же время занимавшій должность Виленскаго воеводы. Онъ являлся управителемъ государственной канцеляріи, состоявшей при великомъ князѣ и панахъ-радѣ. Государственная канцелярія облекала въ письменную форму всѣ законодательныя, судебныя и административныя распоряженія господаря и радныхъ пановъ. Въ государственной канцеляріи изготовлялись и разнаго рода дипломатическіе документы: грамоты къ сосѣднимъ государствамъ, инструкціи посламъ. Тутъ же составлялся государственный архивъ—литовская метрика. Канцлеръ великаго княжества являлся также хранителемъ государственной печати, скрѣплявшей документы, выходившіе изъ государственной канцеляріи. Выдача всякаго рода документовъ могла производиться только съ воли господаря, выраженной тѣмъ или другимъ путемъ. Подъ началомъ канцлера былъ цѣлый штатъ секретарей, писарей, дьяковъ.

Въ рукахъ *гетмана* *наивысшаго* сосредоточивалось командованіе арміей во время войны. Великіи князь на время передавалъ ему функціи главнокомандующаго. Власть гетмана, какъ главнаго военачальника, была обширна: всѣ находившіеся въ арміи, безъ различія званія, должны были его слушаться, какъ самого господаря. Въ его рукахъ былъ судъ надъ виновными въ нарушеніи военной дисциплины, а также надъ всѣми, со-

стоявшими подъ его командой, по жалобамъ другъ на друга и по жалобамъ на нихъ со стороны мѣстныхъ обывателей. Заботы же о снаряженіи арміи, ея комплектованіи, снабженіи жизненными припасами — это оставалось въ рукахъ господара и пановъ-рады.

Характеръ
земскихъ
урядовъ и
измѣненіе
въ колоніаль-
н. XVI в.

Отличительной чертой вышеупомянутыхъ земскихъ урядовъ княжества являлось то, что ни одинъ изъ нихъ въ періодъ самостоятельнаго существованія княжества не выдѣлился въ самостоятельное вѣдомство, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ кругомъ дѣйствій. Собственно, всѣ эти „урядники“ были только исполнителями рѣшеній великаго князя и пановъ-рады, и ни въ чемъ не могли проявить своей самостоятельности. Всякое проявленіе дѣятельности съ ихъ стороны требовало соотвѣтствующаго приказа отъ великаго князя и пановъ-рады. Но въ 60 годахъ XVI вѣка уже замѣчаются существенныя измѣненія въ положеніи нѣкоторыхъ урядовъ. Такъ, подскарбіи земскій — не только казначей, — онъ уже можетъ дѣйствовать по собственной инициативѣ: отдача въ наемъ господарскихъ имѣній, выдача денегъ на расходы, награжденіе и смѣна сборщиковъ налоговъ, — все это было предоставлено собственной инициативѣ подскарбія; наконецъ, въ 1568 г. завѣдываніе монетнымъ дѣломъ также перешло къ нему. Измѣнилось и положеніе гетмана наивысшаго. Онъ — не только фельд-маршалъ, но и военный министръ: комплектованіе арміи находится въ его рукахъ, какъ и снабженіе ея жизненными припасами. Гетманъ можетъ въ интересахъ государственной обороны по собственному усмотрѣнію распоряжаться бюджетомъ арміи. Все это опредѣлилось только почти наканунѣ Люблинской уніи.

Великій князь и господарская рада упустили изъ своихъ рукъ кормило правленія, отдавъ его въ руки шляхетскаго народа, выступавшаго на сеймахъ въ роли законодателя. Примѣненіе въ жизни сеймовыхъ постановленій требовало извѣстной самостоятельности отъ должностныхъ лицъ. Это и было основной причи-

ной перемѣны въ положеніи подскарбія земскаго и гетмана наивысшаго, превратившихся изъ агентовъ великаго князя и пановъ-рады въ исполнителей сеймовыхъ постановленій.

Отъ характеристики великокняжеской власти и органовъ центрального управленія—естественный переходъ къ областному управленію. Последнее находится въ тѣснѣйшей связи съ областнымъ дѣленіемъ. Для обозначенія послѣдняго употреблялись различныя термины, какъ-то: волость, держава, повѣтъ. Этими названіями обозначались и крупныя территоріальныя единицы, развившіяся по старымъ удѣльнымъ княженіямъ или землямъ, и малыя территоріальныя единицы. Впрочемъ, съ теченіемъ времени слово „волость“ исчезло изъ оффиціального языка, и для обозначенія правительственныхъ округовъ стали употребляться только два термина: держава и повѣтъ. Съ начала XV вѣка намѣчается новое территоріальное дѣленіе: собственно Литва съ Русью Лиговской, Полѣсьемъ и Подляшьемъ, дѣлится на два воеводства: Виленское и Троцкое, и слово „воеводство“ стало обозначать наиболѣе крупное территоріальное дѣленіе. Съ начала XVI в. воеводствами стали называться и земли-аннексы: Кіевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская; Жмудская и Волынская земля носили названіе староствъ. Благодаря появленію новаго болѣе крупнаго областного дѣленія, державами и повѣтами стали называться подраздѣленія воеводствъ, причемъ размѣры этихъ округовъ попрежнему отличались поразительной неравномѣрностью. Съ исчезновеніемъ удѣльной системы, въ областяхъ сидѣли *наместники*, впоследствии *воеводы* и *старосты*, представители великокняжеской власти. Воеводы и старосты получали свои должности отъ великаго князя. Должности обыкновенно были пожизненны, если только великій князь не жаловалъ ихъ какой-нибудь новой, болѣе высокой должностью. Въ нѣкоторыхъ земляхъ-воеводствахъ великому князю приходилось считаться

Областное
управленіе.

съ желаніемъ населенія, какъ въ назначеніи, такъ и въ смѣнѣ воеводъ и старостъ. Положеніе воеводъ и старостъ двоякое. Съ одной стороны, они—представители территоріальнаго единства земли—воеводства, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась высшая судебно-административная власть. Кромѣ того, воеводы и старосты были начальниками надъ военными силами области. Въ этомъ отношеніи къ нимъ перешли функціи прежнихъ удѣльныхъ князей. Съ другой стороны, въ ихъ вѣдѣніи находились нѣкоторыя волости—державы, прилежавшія къ главнымъ городамъ областей. По отношеніи къ этимъ державамъ—воеводы и старосты были обыкновенные намѣстники—державцы. Воеводы и старосты завѣдуютъ хозяйствомъ въ господарскихъ имѣніяхъ, какъ обыкновенно приказчики, являются сборщиками податей и пошлинъ и вообще финансовыми агентами господара; они были комендантами мѣстныхъ крѣпостей и принимали мѣры по оборонѣ территоріи, будучи также командирами части областного ополченія, которое они сами снаряжали подъ своей личной отвѣтственностью. Кромѣ того, воеводы заботились, чтобы въ ихъ державѣ земля не лежала безъ службы, и поэтому раздавали пустошины въ земскую службу, но воеводское пожалованіе нуждалось еще въ особомъ господарскомъ разрѣшеніи. Иногда въ своихъ державкахъ воеводы имѣли и судебную власть надъ всѣми жителями державы, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, кто пользовался иммунитетомъ: дѣла о шляхетствѣ были изъяты изъ вѣдомства воеводъ, старостъ и державцевъ.

По нѣкоторымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ Киевской и Волынской землѣ воеводы, старосты и державцы не могли приводить въ исполненіе приговора до указа государя. Впрочемъ, подсудность населенія воеводамъ, старостамъ и державцамъ была факультативна. Стороны всегда могли, минуя мѣстные уряды, обратиться къ суду господара. Статутъ 1529 г.

требуетъ, чтобы стороны обращались къ государю до начала судоговоренія.

Воеводы и старосты обыкновенно управляли волостями съ помощью назначаемыхъ ими слугъ, которые выполняли различныя ихъ служебныя порученія. Впрочемъ, волостями, гдѣ не было развито господарское хозяйство, воеводы и старосты управляли изъ центрального города и судили въ центральномъ городѣ.

Разсмотримъ теперь подробнѣе правительственную дѣятельность воеводъ и старостъ, какъ замѣстителей удѣльныхъ князей. Въ качествѣ таковыхъ и представителей единства земли—воеводы и старосты имѣли военную власть. Они являются начальниками ополченія всей области. Въ составъ его входили ополченія изъ повѣтовъ, бывшихъ въ вѣдѣніи самого воеводы, изъ повѣтовъ, находившихся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ, и ополченія князей и пановъ, выступавшихъ подъ собственной хоругвью.

Военная
власть воеводъ и старостъ

Какъ начальникъ всего ополченія, воевода и староста собирали „пописы“ съ обозначеніемъ числа военныхъ слугъ; по нимъ они провѣряли явившихся на военную службу, а подкарбий земскій—сборъ съ ихъ имѣній серебрянины. Воеводы и старосты принимали также участіе въ устройствѣ военно-служилого класса и за предѣлами своихъ державъ. Они сами раздавали „пустовщины“ и подыскивали таковыя по порученію государя въ предѣлахъ своей области — воеводства.

Судебная власть воеводъ и старостъ распространялась на всю область—воеводство. Здѣсь они были главными и высшими судьями. Часто населеніе, недовольное судомъ державцы, подавало жалобы воеводамъ и старостамъ. Иногда самая дѣла вчинялись передъ ними, минуя низшую администрацію; наконецъ, въ нѣкоторыхъ державахъ намѣстники-державцы и тивуны не могли судить шляхту, которая была подсудна одному воеводѣ. Подсудны имъ были и нѣкоторые изъ князей и пановъ, имѣнія которыхъ не входили въ составъ по-

Судебная
власть

вѣтовъ. Воеводы и старосты судили низшую провинціальную администрацію по жалобамъ на нее со стороны, что признано и Статутомъ 1529 г. (VI, 1). Сами они были подсудны великокняжескому суду. Но нѣкоторые изъ князей и пановъ, въ силу господарскаго пожалованія, были изъяты изъ-подъ юрисдикціи воеводъ и старостъ. Воевода обыкновенно судилъ не одинъ, а въ присутствіи различныхъ должностныхъ лицъ и мѣстнаго населенія, являвшагося хранителемъ мѣстнаго права. Воеводамъ и старостамъ часто приходилось откладывать дѣла на томъ основаніи, „что на тотъ часъ никого при насъ пановъ и бояръ земли... не было“.

Надзоръ надъ
державцами
а) державцы

Наконецъ, для полноты характеристики вѣдомства воеводы слѣдуетъ отмѣтить, что общій надзоръ за хозяйственной и административной дѣятельностью провинціальной администраціи также находился въ рукахъ воеводъ и старостъ. Въ XV в. провинціальный администраторъ обыкновенно назывался намѣстникомъ-державцемъ и тивуномъ. Назначался онъ обыкновенно изъ числа представителей мѣстной аристократіи. Державы раздавались до „воли господарской“ или „до живота“, но расточительное веденіе хозяйства въ державѣ могло повлечь за собою лишеніе должности. Вѣдомство намѣстниковъ-державцевъ, какъ намъ уже извѣстно, было очень обширно. Намѣстники-державцы, какъ и воеводы со старостами, жалованія не получали, а кормились на счетъ своихъ державій. Это кормленіе могло быть двоякое: гдѣ не было господарской пашни, тамъ намѣстники-державцы получали кормъ натурой. Это преимущественно относится къ Поднѣпрскимъ и Подвинскимъ волостямъ. При существованіи господарскаго хозяйства—въ пользу намѣстника-державца поступала треть урожая озимымъ и ярымъ хлѣбomъ, овощи съ огорода, часть улова рыбы. Иногда намѣстникамъ-державцамъ представлялась эксплуатація господарскихъ угодій въ свою пользу. Кромѣ того, они получали не мало разныхъ судебныхъ пошлинъ: „не-

ресудъ"— $\frac{1}{10}$ съ суммы иска, „повинное"— $\frac{1}{10}$ съ штрафовъ въ пользу государя, „заклады" — которые тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державца, „поколодное" и т. д. Иногда, по специальному пожалованію государя, поступали особыя доходы. Бывали случаи, когда в. князь, закладывая имѣніе, отдавалъ доходы съ него вмѣсто процента впередъ до выплаты „закладныхъ денегъ".

Такая система содержанія должностныхъ лицъ приводила къ расхищенію государскихъ имѣній и вызывала недовольство населенія, которое неоднократно жаловалось государю на администрацію, вводившую разныя новины: „съ ихъ людей брали свадебныя кунницы, на имѣнія ихъ слугъ своихъ насылали и безъ каждаго права грабили ихъ самихъ и людей ихъ, и мыта новыя, гдѣ здавна не бывали, вновь установили". Такія жалобы повторялись постоянно. Правительство было не въ силахъ бороться съ злоупотребленіями. Въ интересахъ борьбы оно стало раздавать держанія въ пожизненное владѣніе, въ надеждѣ, что крѣпость владѣнія заставитъ урядника относиться съ большимъ вниманіемъ къ государскому хозяйству. Наконецъ, гдѣ были „ро스크рошители и шкодники" государскаго хозяйства, тамъ, гдѣ населеніе разбѣгалось благодаря „кривдамъ" администраціи, держанія отбирались на государя, такъ какъ внушенія не производили никакого впечатлѣнія.

Отчетъ въ веденіи государскаго хозяйства намѣстники-державцы давали особымъ писарямъ, объѣзжавшими государскія имѣнія два раза въ годъ. Кромѣ того и воевода могъ вмѣшиваться въ хозяйственно-административную дѣятельность державцевъ.

Дѣятельностью администраціи было недовольно не только населеніе, жившее въ государскихъ имѣніяхъ. Администрація вторгалась въ частновладѣльческія имѣнія, ловила звѣря и рыбу въ лѣсахъ и водахъ, причиняя огромные убытки населенію. Вполнѣ понятно,

б) злоупотребленія державцевъ

в) контроль

почему на „великихъ вальныхъ сеймахъ“ шляхта громить дѣятельность областной администраціи.

2) Господарская рада.

Составны
элементы
рады.

На всемъ протяженіи исторіи Литовско-русскаго государства бросается въ глаза видная политическая роль особаго совѣта при государѣ—рады. Конечно, и ея составъ и компетенція за этотъ періодъ времени не оставались одинаковыми. И то и другое измѣнялось въ зависимости отъ перемѣнъ, происходившихъ въ социально-политическомъ быту государства. Совѣтъ при государѣ—учрежденіе старое. Такой совѣтъ около себя имѣлъ любой изъ удѣльныхъ князей. Ни составъ такого совѣта, ни его компетенція не были опредѣленными. Удѣльный князь теоретически совѣтывался съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ, но на практикѣ уже сформировался опредѣленный кругъ лицъ, изъ числа которыхъ приглашались совѣтники. Такимъ кругомъ и были бояре земли, мѣстные крупные землевладѣльцы. И великіе князья чувствовали нужду въ поддержкѣ и помощи со стороны окружавшихъ лицъ. Они тоже неоднократно совѣтывались со своими боярами, принимая вмѣстѣ съ ними то или другое рѣшеніе. Но эти совѣщанія были большею частью моральнаго характера, и такіе совѣты нельзя считать уже отлившимся и сформировавшимся учрежденіемъ. Кромѣ совѣтовъ съ боярами, великіе князья рѣшали разныя дѣла совмѣстно съ удѣльными князьями. Отъ имени великаго князя и удѣльныхъ князей заключали миръ, писались различные договоры. Окончательное рѣшеніе заключить унію съ Польшей было принято на совѣщаніи Ягайлы и удѣльныхъ князей. Вообще, можно сказать, что великіе князья всѣ важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего государства, рѣшали по совѣту и съ согласія удѣльныхъ князей. Развитие удѣльной системы временно лишило литовскихъ бояръ того

значенія, которое они могли имѣть, какъ бояре земли и совѣтники князя. Съ Витовта положеніе дѣлъ измѣнилось. Врагъ удѣльныхъ князей и сторонникъ самостоятельности Литвы долженъ былъ найти опору своимъ стремленіямъ въ иномъ общественномъ словѣ, и таковымъ явились литовскіе бояре—представители крупнаго землевладѣнія. Витовтъ постоянно съ ними совѣщавался. Всѣ крупныя политическіе акты были имъ предприняты послѣ совѣта съ боярами. Недаромъ поляки при повтореніи уніи требовали подписи литовскихъ бояръ. Конечно, совѣщаніе съ боярами не исключало возможности приглашенія и удѣльнаго князя, признавашаго авторитетъ Витовта, но такія совѣщанія были чрезвычайными. Обыкновенный же совѣтъ состоялъ изъ первостепенныхъ литовскихъ пановъ, общее число которыхъ значительно увеличилось въ зависимости отъ извѣстнаго уже политическаго объединенія, которымъ сопровождалось возведеніе Витовта на великое княженіе. Число совѣтниковъ Витовта было постоянно колеблющимся. Иногда въ радѣ присутствовало два—три человѣка, иногда значительно больше. Но уже при немъ мало-по-малу намѣчался тотъ кругъ лицъ, изъ котораго государь призывалъ себя совѣтниковъ, хотя еще онъ и не былъ точно очерченъ и замкнутъ.

Витовтъ обыкновенно, приглашалъ на совѣтъ католическихъ бискуповъ, придворныхъ сановниковъ, и главныхъ областныхъ правителей:—намѣстниковъ. За этимъ разрядомъ лицъ упрочилось преимущественно званіе государскихъ совѣтниковъ. При преемникахъ Витовта—Свидригайлѣ и Сигизмундѣ—рада составлялась изъ того же круга лицъ, только при Свидригайлѣ въ нее входило много русскихъ бояръ. Вполнѣдствіи имъ не удалось войти въ нее въ силу извѣстной конфессиональной статьи привилея 1413 года. Правда, иногда православнымъ вельможамъ и удавалось проникнуть въ раду, но это бывало сравнительно

Определенно
составъ рады.

рѣдко и объяснялось только заслугами передъ государствомъ. При Казимірѣ составъ господарской рады сталъ еще отчетливѣе. Совѣтниками великаго князя стали католическіе епископы, нѣкоторые значительные князья, намѣстники областей и правители крупныхъ территорій, высшіе земскіе и дворные совѣтники. Окончательное же опредѣленіе состава господарской рады относится ко времени Александра и Сигизмунда I. Она состояла изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ государства, „отправлявшихъ высокія должности и носившихъ высокія званія“.

Горедма
Рада.

Рада въ полномъ составѣ могла собираться, конечно, рѣдко, за отъѣздомъ разныхъ ея членовъ. Поэтому съ конца XV вѣка можно отмѣтить функционированіе особой *передней рады*, состоявшей изъ лицъ, бывшихъ всегда около государя, изъ числа высшихъ областныхъ правителей и государственныхъ сановниковъ, занимавшихъ должности по центральному управленію. Мѣсто въ господарской радѣ было тѣсно связано съ званіями и должностями. Приобрѣтеніе того и другого давало право засѣданія въ ней. Бывали случаи, впрочемъ очень рѣдко, когда въ раду попадали люди незнатнаго происхожденія, оказавшіе ту или другую услугу государству; обыкновенно же въ радѣ сидятъ представители однихъ и тѣхъ же фамилій, отличившихся богатствомъ и знатностью. Уже эти два качества сами по себѣ давали право на занятіе мѣсть въ радѣ. Поэтому господарская рада всегда являлась учрежденіемъ аристократическимъ, и вполне понятно, почему выступавшая на сцену шляхетская демократія относилась къ ея дѣятельности съ недоувѣрчивостью и извѣстнаго рода боязливостью.

Вѣдомство
рады и обо-
собленіе ея.

Отъ состава обратимся къ вѣдомству господарской рады. Первоначально господарская рада была совѣтомъ при государѣ, и отдѣльное ея функционированіе фактически было невозможно. Тѣсно связанная съ государемъ, она принимаетъ участіе почти во всѣхъ его пра-

вительственныхъ актахъ, издаваемыхъ „подумавши съ князьями и паны“. Чѣмъ сложнѣе и запутаннѣе становилась общественная и государственная жизнь Литвы, тѣмъ все больше и больше участія принимала рада въ управленіи государствомъ. Такъ, великіе князья вмѣстѣ съ радой рѣшали разные судебные вопросы, раздавали имѣнія, укрѣпляли переводъ недвижимости изъ однихъ рукъ въ другія. Впрочемъ, такая совмѣстная дѣятельность рады и великаго князя не исключая возможности единоличныхъ правительственныхъ актовъ со стороны великаго князя. Дѣйствительно, случаи проявленія единоличной его воли довольно часты втеченіе всего XV в.: раздача имѣній, укрѣпленіе актовъ объ отчужденіи недвижимости, разныя судебныя и финансовыя дѣла производились княземъ и единолично. Но въ то же время, съ половины XV вѣка, начинается постепенное обособленіе рады отъ господаря и превращеніе ея въ самостоятельное учрежденіе. Конечно, этотъ процессъ обособленія необходимо поставить въ связь съ личной уніей съ Польшей, заключенной при Казимірѣ. Благодаря частымъ отлучкамъ послѣдняго, господарской радѣ приходилось неоднократно выступать въ роли высшаго правительства страны. Рада вела дипломатическія сношенія, въ отсутствіе господаря разбирала связанныя съ захватомъ земли и наѣдомъ на имѣніе процессы, но вопросъ о наказаніи виновнаго рѣшался господаремъ по его возвращеніи, распоряжалась военными силами, раздавала земли военно-служилымъ людямъ. Такъ рада изъ личнаго совѣта при государѣ постепенно превращалась въ государственный совѣтъ великаго княжества, продолжавшій функционировать и въ отсутствіе господаря.

Литовской аристократіи удалось привилеями 1492 г. Привил. радм. и 1506 г. закрѣпить за радой закономъ ея положеніе самостоятельнаго учрежденія, принимавшаго активное участіе въ политической жизни страны. Но содержаніе этихъ привилеевъ шло дальше: они надѣлили госпо-

дарскую раду политическими правами, существенно ограничивавшими прерогативы великокняжеской власти. Привилеи 1492 г. подтверждали право рады на совместное ведение с в. князем дипломатических сношений. Привилеи обязывали господаря в дѣлахъ внутренняго управленія помимо пановъ-рады не принимать и не исправлять ничего, что уже имъ было постановлено совместно с панами-радой; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣлъ, не держать за это на нихъ гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Далѣе, великій князь Александръ обязывался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и совѣта пановъ-рады, раздавать державы въ украинскихъ областяхъ по совѣщанію с панами-радой, расходовать средства на государственныйя нужды по совѣту пановъ-рады и не вывозить ихъ изъ страны безъ воли радныхъ пановъ. Наконецъ, привилеи обезпечивали участіе пановъ-рады въ господарскомъ судѣ. Привилеи 1492 г. не говорили о правѣ пановъ-рады непременно участвовать въ издаціи тѣхъ или другихъ постановленій. Отсюда вытекала возможность и единоличныхъ распоряженій господаря, что окончательно уничтожается привилеемъ 1506 г., по которому всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленные ко благу государства, издаются послѣ обсужденія ихъ совместно с панами-радой. Эти два привилея закрепили за радой ея политическое значеніе, и власть великаго князя съ конца XV в. приходится трактовать, какъ ограниченную.

Дѣятельность
рады.

Дѣятельность господарской рады была очень сложна и разнообразна. Эта сложность привела къ учрежденію при ней и господарѣ канцеляріи съ канцлеромъ во главѣ и „скарба“ съ подскарбіемъ земскимъ. По мѣрѣ развитія вальнаго сейма и усиленія его значенія — политическій вѣсъ пановъ-рады уменьшался, рядъ вопросовъ, раньше обсуждаемыхъ ими, сталъ раз-

сматриваться на вальномъ сеймѣ, а статутъ 1566 г. окончательно закрѣпилъ за сеймомъ его политическое значеніе. Но текущая администрація, подготовленіе вопросовъ для обсужденія на вальномъ сеймѣ—это осталось въ вѣдѣніи пановъ-рады.

3) Великій вальный сеймъ.

На ряду съ господарской радой въ началѣ XV вѣка, Зарожденіе сеймовъ. можно замѣтить первые зачатки новаго учрежденія— великаго вального сейма, окончательно сформировавшагося во второй половинѣ XVI вѣка. Первые признаки появленія сейма можно отнести къ 1401 г., когда заключалась третья унія съ Польшей. Въ Вильну съѣхалось для переговоровъ объ уніи много лицъ, принадлежавшихъ къ первостепенной литовской знати и княжескому роду. Тутъ же присутствовало и вообще все боярство Литвы и Руси литовской. На первомъ сеймѣ не было представителей другихъ областей Литовско-русскаго государства. Князь и паны, собравшіеся на сеймъ, какъ извѣстно, заключили унію съ Польшей. Такой составъ перваго сейма, конечно, объясняется тѣмъ значеніемъ, которое имѣла литовская знать въ жизни княжества, отстаивавшая съ Витовтомъ его самостоятельность. И второй сеймъ, собравшійся въ 1413 г. тоже по поводу уніи, составилъ изъ тѣхъ же общественныхъ элементовъ. Присутствовали на немъ и многіе изъ рыцарскаго класса, но активная роль на сеймѣ принадлежала литовской знати. По крайней мѣрѣ, она своими подписями за себя и за шляхту скрѣпила новый унитарный трактатъ. Первые два сейма можно назвать „вальными“, т. е. всеобщими, только съ извѣстнымъ ограниченіемъ, такъ какъ на нихъ не было русской знати и шляхты изъ земель-аннексовъ. Извѣстная уже намъ политическая борьба Литвы и земель-аннексовъ выдвинула на первый планъ русскій элементъ, какъ крупную политическую силу. Поэтому литовскіе князья и паны сочли для себя

невозможнымъ безъ русской знати рѣшить вопросъ, соглашались ли Казиміру на избраніе его польскимъ королемъ или нѣтъ, и пригласили ее на сеймъ 1446 г. въ Вильну. Этотъ съѣздъ въ Вильнѣ, на которомъ были литовскіе и русскіе паны, и можно считать „великимъ вальнымъ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Вообще, при Казимірѣ сеймы собирались довольно часто, чуть ли не ежегодно, но не всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію „великаго вальнаго сейма“. Нѣкоторые изъ сеймовъ были только полными собраніями радныхъ совѣтниковъ, и къ сеймамъ въ собственномъ смыслѣ слова причислить ихъ нельзя. На другихъ присутствовали паны, бояре-шляхта не всего государства, а только изъ Литвы, Жмуди и литовской Руси. И только на нѣкоторыхъ присутствовали князья, паны и шляхта со всего государства, отъ всѣхъ его земель. Эти сеймы и можно считать „великими вальными“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Собирались они сравнительно рѣдко и только въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась поддержка и согласіе областей-аннексовъ.

Въ правленіе великаго князя Александра сеймы собирались также часто, и по своему характеру они ни въ чемъ не отличались отъ сеймовъ временъ Казиміра. Рѣже всего собирались „великіе вальные сеймы“, но и такихъ сеймовъ было четыре: на нихъ были князья, паны и бояре-шляхта со всего Литовско-русскаго государства. Такіе сеймы собирались только въ очень важныхъ случаяхъ, когда рѣшались вопросы первостепенной политической важности. Все это укрѣпляло политическое значеніе вновь возникшаго учрежденія, которому впоследствии удалось занять центральное мѣсто въ политической жизни княжества.

П ричины по-
ладенія сей-
мовъ.

Происхожденіе сеймовъ приходится поставить въ связь съ соціально-политической структурой княжества. Слабость великокняжеской власти, носившей военно-политическій характеръ и представлявшей собою лишь идею національнаго единства, усилило авторитетъ мѣст-

ной знати и представителей мѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Собственно, они задавали тонъ политической жизни страны отъ временъ Витовта. Окруженные многочисленными дружинниками, они представляли собою и крупную военную силу, съ которой ссориться было рискованно, а опираясь на нее, они выступали противъ политики Ягайлы. Въ союзѣ съ ними шла борьба Витовта за автономію Литвы. И, конечно, когда автономія Литвы висѣла на волоскѣ, когда поляки хотѣли использовать затруднительное положеніе Витовта, послѣдній не могъ рѣшиться на заключеніе униі одинъ, безъ поддержки знати, да и сами поляки желали сговориться съ немъ и видѣть ея подписи на новомъ унитарномъ договорѣ. Такъ унитарный вопросъ былъ лишь внѣшнимъ поводомъ для проявленія политическаго вѣса и значенія литовской знати. Впослѣдствіи, какъ мы видѣли, къ основному ядру литовской аристократіи присоединяется и аристократія земель-аннексовъ, что опять таки являлось только отраженіемъ того вліянія, какое имѣлъ въ жизни княжества, русскій элементъ, не желавшій признавать исключительности политическаго господства Литвы. Вполнѣ понятно, что въ разгаръ національной борьбы великій князь не рѣшался рѣшать неотложные вопросы на сеймахъ стараго состава и пригласилъ на сеймъ знать и шляхту земель-аннексовъ.

Если самое учрежденіе не успѣло отлиться въ одну Составъ сейма образную форму, то конечно, не можетъ быть и рѣчи о болѣе точномъ опредѣленіи его состава и компетенціи. На великихъ вальныхъ сеймахъ присутствуютъ князья, паны и бояре-шляхта. Князья и паны призывались на сеймъ поголовно, особыми грамотами, какъ вожди и руководители мѣстныхъ обществъ; не было еще правильно-постановленнаго шляхетскаго представительства. Призывались только „старшіе“ шляхтичи, болѣе крупные землевладѣльцы. Такъ, рассылая приглашеніе на великій вальный сеймъ 1492 г., паны-рада просили пріѣхать „старшихъ“ земель: „десять, або двад-

цать, або колько ся вамъ увидить“. Но такое неопре-
дѣленное положеніе шляхетства кончилось въ XVI в.,
когда организованное и сплоченное шляхетство начало
на сеймахъ играть видную политическую роль.

Компетенція
сейма.

Компетенція сеймовъ не была точно опредѣлена.
Предметы обсуждения ставились вел. княземъ по его
усмотрѣнію; только вопросы, связанные съ заключеніемъ
уніи, всегда восходили до сейма, и подавляющее боль-
шинство „сеймовъ“ и „вальныхъ сеймовъ“ занималось
именно этимъ вопросомъ, да въ связи съ нимъ—внѣшней
политикой. Крімъ того, великіе вальные сеймы избирали
новаго господаря: великіе князья Александръ и Сигиз-
мундъ были избраны на престолъ „единостапною волею“
великаго вальнаго сейма.

Развитіе Сей-
ма въ XVI в.

Время обоихъ Сигизмундовъ было въ высшей сте-
пени благоприятно для дальнѣйшей эволюціи великаго
вальнаго сейма. За этотъ періодъ расширяется его
компетенція, болѣе точно организуется шляхетское пред-
ставительство. Сеймъ постоянно выступаетъ въ роли вер-
шителя судебъ государства и постепенно отстраняетъ на
второй планъ господарскую раду. И Статутъ 1566 г. только
юридически закрѣпилъ за сеймомъ то значеніе, которое
онъ фактически имѣлъ, въ особенности при Сигизмундѣ II.

Однимъ изъ условій, содѣйствовавшихъ дальнѣйшему
развитію великаго „вальнаго сейма“ и превращенію его
въ постоянно-дѣйствующее учрежденіе, было затрудни-
тельное внѣшніе положеніи княжества. Затяжная борьба
съ Москвой и обострившаяся борьба съ татарами тре-
бовали большого напряженія военныхъ силъ и денеж-
ныхъ средствъ со стороны государства.

Необходимость въ организаціи защиты страны и сбора
денегъ на военныя нужды заставили литовское прави-
тельство обратиться къ помощи великаго вальнаго сейма.
Государственный скарбъ находился въ весьма неудо-
влетворительномъ состояніи; обыкновенныхъ государ-
ственныхъ доходовъ не хватало на удовлетвореніе эк-
стренныхъ военныхъ расходовъ, а постоянный сборъ

военной подати, „серебщины“, въ силу привилея 1447 г. не могъ производиться великимъ княземъ. Казимиру приходилось прибѣгать къ единоличному назначенію экстренныхъ сборовъ „серебщины“, но еще чаще при немъ и Александрѣ „серебщина“ назначалась или папани-радою, или на великихъ „вальныхъ сеймахъ“, а при Сигизмундахъ обложение населенія военными и денежными повинностями перешло всецѣло въ руки великаго вальнаго сейма. Участники сейма оцѣнили для себя такой способъ назначенія серебщины. Они начали просить у господаря новыхъ правъ и вольностей, а также обращались съ требованіемъ реформъ и новыхъ законовъ. По мѣрѣ роста и усиленія и сейма его значенія, исчезаютъ другія формы сеймовыхъ совѣщаній, практиковавшіяся въ XV вѣкѣ. Съ 1505 г. приходится наблюдать только созывъ однихъ „великихъ вальныхъ сеймовъ“.

Сеймовая дѣятельность въ XVI в. необыкновенно дѣятельность сейма въ XVI в. часта и разностороння. Правительство цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной важности передавало на разсмотрѣніе сейма. Въ 1510 г. сеймъ занимался принятіемъ мѣръ по оборонѣ государства, въ 1512 г. шли переговоры объ уніи, въ 1514 г.—поднялся вопросъ о продолженіи войны съ Москвой, и сеймъ высказался въ утвердительномъ смыслѣ, въ 1515 г.—сеймъ отказалъ господарю въ новыхъ налогахъ, въ 1516 г.—были изданы постановленія о мобилизаціи земскаго ополченія и о сборѣ серебщины, въ 1522 г.—сеймъ выработалъ условія мира, предложенныя московскому правительству, и занимался составленіемъ Статута, который кодифицировалъ бы шляхетское право; на сеймахъ 1528—1529 г. былъ принятъ рядъ постановленій о военной службѣ, внесены поправки въ Статутъ, установлены правила о дачѣ въ „заставу королевскихъ имѣній“; въ 1532 г.—сеймъ не согласился на борьбу съ волошскимъ воеводой; въ 1534 г.—новый сборъ серебщины и рѣшено начать войну съ Москвой; въ 1538 г.—были опредѣлены размѣры взысканій за недоимки, на сеймахъ 1544 г.—шляхтой былъ

заявленъ рядъ требованій въ смыслѣ расширенія правъ шляхты и ограниченія господства можновладства. Перечисляя предметы занятій сеймовъ времянь Сигизмунда I, мы указывали только на тѣ предметы, которые наиболѣе ярко выясняютъ характеръ компетенціи этого учрежденія.

Въ сравненіи съ XV в. дѣятельность сейма расширилась: за нимъ окончательно утвердилось право обложенія населенія новыми налогами и военной повинностью, онъ принимаетъ активное участіе въ вопросахъ внѣшней политики, и хотя его мнѣніе не связываетъ воли господаря, но съ нимъ считаются; сеймъ принимаетъ участіе въ изданіи новыхъ законодательныхъ постановленій и составленіи шляхетскаго кодекса: сама инициатива этого дѣла шла со стороны становъ сеймы, высказывавшихъ свои положенія на Виленскомъ сеймѣ 1514, и Городенскомъ сеймѣ 1522 г.; сеймъ выступаетъ съ критикой текущей администраціи.

Усиленіе на
сеймахъ шляхетства.

И въ составѣ сеймовъ произошли большія перемѣны. Постепенно увеличивается роль и значеніе шляхетскаго сословія, составлявшаго основное ядро военныхъ силъ княжества и многолюднаго плательщика серебрины. Уже на сеймѣ 1507 г. присутствуетъ рядовая шляхта, а не только „старшіе“ изъ ея среды. Но присутствовала она на сеймѣ поголовно. Конечно, при такомъ характерѣ представительства шляхта не могла играть большой политической роли, и вполне понятно ея стремленіе къ болѣе систематической организаціи представительства. Уже на сеймѣ 1512 г. присутствуютъ представители по 2 отъ cadaго повѣта, и съ этого времени появленіе шляхетскихъ представителей на сеймѣ вошло въ обычай. Шляхетское представительство не исключало возможности и поголовнаго появленія шляхты на сеймахъ.

Для козо
сейма.

Впрочемъ, рядомъ съ „послами“ повѣтовъ пріѣзжали на сеймъ, по личнымъ приглашеніямъ, князья, паны, дворные и земскіе урядники. Вмѣстѣ съ послами они

составляли рыцарское коло, другое коло—были пань-рада. Постепенно устанавливается между ними такой же порядок сношений и общих заседаний, какой существовалъ въ Польшѣ. Невыборные члены „рыцарскаго кола“ вышли изъ него только послѣ уни 1569 г. Таковъ характеръ сейма въ послѣдней его формации, ставшаго въ концѣ концовъ органомъ шляхетскаго представительства. Теперь шляхтичи, выбирая на мѣстахъ депутатовъ-пословъ и снабжая ихъ мандатами, имѣли полную возможность черезъ послѣднихъ руководить политической жизнью страны въ своихъ интересахъ и цѣляхъ. Въ связи съ новымъ административнымъ дѣленіемъ общее число шляхетскихъ депутатовъ значительно уменьшилось, но зато увеличился политическій ихъ вѣсъ: за ними теперь стояла плотная масса шляхетскаго народа, зорко слѣдившаго за политической жизнью въ странѣ. Въ зависимости отъ этого пало прежнее вліяніе аристократіи, пановъ-рады, превратившихся въ неравноправную часть сейма. Такимъ образомъ, структура сейма вполне соответствовала тому положенію, которое шляхетство занимало въ государствѣ въ социально-политическомъ отношеніи. Эта шляхетизация строя и учреждений и рѣшила вопросъ объ уни на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

XI. Настроеніе шляхты къ судебнo-административнымъ реформамъ 60 годовъ.

Великіе вальные сеймы служили прекрасной школой для политическаго самосознанія литовско-русской шляхты, понимавшей свое значеніе, какъ военно-служилаго класса и какъ плательщика „серебщины“. Шляхта занимаетъ на сеймахъ будирующую позицію, направленную противъ аристократіи и ея доминирующаго положенія въ государствѣ. Она выступаетъ съ жалобами на недостатки аристократической администраціи и съ другими пожеланіями, и съ каждымъ годомъ ея натискъ все

Шляхта на сеймахъ.

настойчивѣе и настойчивѣе. Она уже не ограничивается только жалобами, а рисуетъ стройную систему реформъ, долженствующихъ убить литовское можновластво. Шляхта недовольна судомъ и просить права избирать судью и писаря и ввести общую подсудность для вѣхъ становъ, что уничтожало особую юрисдикціи духовной и свѣтской аристократіи и вводило контроль шляхты надъ судами; она требуетъ „поправы“ Статута въ направленіи, указанномъ ею; выпуска монетъ съ согласія сейма, реформы администраціи.

Бѣльскій
сеймъ 1663 г.

Аристократія сопротивлялась, пока могла, но затѣмъ пришлось пойти на уступки: она согласилась на „поправу“ Статута въ духѣ высказанныхъ пожеланій, и къ 1563 г. Статутъ былъ готовъ. Тогда паны рада, старосты, державцы, представъ передъ господаремъ, заявили, что они, „милуючи Рѣчь Посполитую, а въ ней братью молодшую, народъ шляхетскій и рыцарскій“, отступаются и отрекаются отъ своей судебной власти и отъ другихъ прерогативъ, связанныхъ съ ея пользованіемъ, дабы введеніе новыхъ судовъ не встрѣтило препятствія. Затѣмъ станы сейма заявили, что они передаются „въ одно ровное право“ и подчиняются юрисдикціи новыхъ земскихъ урядниковъ, „на судъ выбранныхъ и высаженныхъ“. Бѣльскій сеймъ 1563 г. фактически убилъ можновластво и усилилъ политическій вѣсъ шляхты, но планы шляхты были реализированы только спустя 2 года, когда было введено новое областное дѣленіе, разрушившее самостоятельность земель, опредѣлены границы судебныхъ округовъ и намѣчены кандидаты на судебныя должности.

Новое судебное устройство.

Литва съ Русью дѣлилась на 30 судебныхъ повѣтовъ, въ предѣлахъ которыхъ устраивались сеймики для выбора кандидатовъ на судебныя должности, по 4 на каждую изъ нихъ, изъ числа которыхъ одинъ получалъ утверженіе. Всѣ мѣстные землевладѣльцы были подчинены присуду новаго суда. Персоналъ *земскаго суда* состоялъ изъ судьи, подсудка и писаря. Выбираться на эти должности могли только осѣдлые шляхтичи: духовенство

не могло быть избираемо. Компетенціи земскаго суда подлежали всѣ гражданскія дѣла шляхетскаго сословія. Апелляція на приговоръ земскаго суда направлялась къ государю и панамъ-радѣ. Рѣшенныя дѣла записывались въ книги, которыя хранились въ особнхъ судебныхъ зданіяхъ въ мѣстахъ судебныхъ сессій. Изъ компетенціи земскаго суда были изъяты дѣла о насильственныхъ наѣздахъ на шляхетскіе дома, о поджогахъ и разбоѣ, злодѣйствѣхъ и обманѣ, насиліи надъ женщиной, убійствѣхъ шляхтича. Всѣ такія дѣла были отнесены къ юрисдикціи *замковаго суда*, находившагося въ рукахъ воеводы и судебного старосты. Въ отсутствіе ихъ судилъ намѣстникъ, совмѣстно съ градскимъ судьей, назначеннымъ изъ числа мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей, и писаремъ. На судъ намѣстника апелляція шла къ воеводѣ и старостѣ, а на судъ послѣднихъ — къ самому господарю.

Наконецъ, вводился еще третій судъ—*подкоморскій*, „для справъ граничныхъ и земельныхъ“. Онъ состоялъ изъ подкоморія и коморника. Подкоморій назначается королемъ, хотя впоследствии право выбора передается повѣтовой шляхтѣ. Коморникъ былъ помощникомъ подкоморія, выбиравшаго его изъ числа шляхтичей въ повѣтъ, осѣдлыхъ, людей годныхъ и статочныхъ, чтобы для „отправы всякихъ справъ“ не было никакого „омѣшканія“. Коморникъ разбираетъ дѣла, подлежащія присуду подкоморія, и апелляціонной инстанціей для обонихъ является королевскій дворный судъ. Судъ подкоморія или коморника былъ единоличнымъ.

На сеймахъ шляхта неоднократно настаивала на умноженіи числа должностей, доступныхъ для шляхетскаго сословія. Желаніе шляхты было исполнено, и вѣдахъ этого а также приведенія къ единству областного управленія, такъ какъ старыя воеводства были слишкомъ крупными территоріальными единицами, въ 1566 г. было учреждено 5 новыхъ воеводствъ, раздѣленныхъ болѣе правильно на повѣты. Къ старымъ вое-

Администра-
тивная рефор-
ма.

водствамъ были прибавлены: Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское.

Ограниченіе
власти воево-
ды.

Во главѣ воеводства былъ поставленъ воевода, назначавшійся великимъ княземъ, но въ воеводствахъ Жмудскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ происходили выборы воеводы на мѣстныхъ областныхъ сеймахъ.

Положеніе воеводы послѣ реформъ 60-хъ годовъ сильно измѣнилось въ сравненіи съ предыдущей эпохой: и территоріальные размѣры воеводства стали меньше, и компетенція воеводскаго уряда значительно сократилась. Судебная власть была почти изъята изъ рукъ воеводы, такъ какъ за нимъ осталась лишь юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ, да гражданскіе иски по движимости и дѣла тѣхъ обывателей повѣта, которые по своему состоянію не имѣли доступа ни въ земскій, ни въ магдебургскіе суды, да и то она распространялась лишь на центральный повѣтъ, такъ какъ въ другихъ повѣтахъ (ихъ было отъ 5 до 1 на воеводство) градской судъ былъ въ рукахъ особаго судебного старосты. И административная власть воеводы ограничивалась только предѣлами центрального повѣта. Но въ военномъ отношеніи сохранялось единство воеводства: воевода былъ главнымъ командиромъ, подъ начальство котораго собирались всѣ военно-служилые элементы воеводства съ своими повѣтовыми командирами: каштелянами въ центральныхъ повѣтахъ и маршалками въ остальныхъ. Такова была власть воеводы въ старыхъ воеводствахъ. Воеводы же вновь учрежденныхъ воеводствъ совершенно не имѣли никакихъ административныхъ и судебныхъ функцій: они оставались лишь военначальниками съ правомъ засѣдать въ господарской радѣ.

Старосты су-
довыя.

Во главѣ повѣтовъ были поставлены старосты. Ихъ нужно отличать отъ несудовыхъ старостъ, завѣдывавшихъ господарскимъ хозяйствомъ и имѣвшихъ судъ надъ не шляхетскимъ населеніемъ, а также исполнявшихъ различныя административныя функціи,—напр. сборъ серебщины. Старосты, стоявшіе во главѣ повѣ-

товъ, въ отличіе отъ послѣднихъ назывались „судовыми“, они соединяли въ себѣ функція несудоваго старосты вмѣстѣ съ администраціей и судомъ надъ повѣтовой шляхтой.

Реформы 60 годовъ измѣнили и политическое значеніе шляхты. Государь во второмъ Статутѣ 1566 г. обязался не устанавливать ничего новаго для блага государства, никакихъ уставовъ, иначе какъ на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома и согласія пановъ-рады и дозволенія всѣхъ земель великаго княжества. Это обѣщаніе не внесло ничего новаго въ практику государственной жизни, обобщая лишь то, что давнымъ давно уже примѣнялось. Установленіе новыхъ серебряницъ или вообще налоговъ, объявленіе войны было вообще невозможно безъ согласія князей, пановъ хоругвенныхъ и пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на вальный сеймъ. Депутаты избираются на повѣтовыхъ сеймикахъ, на которыхъ участвуютъ воеводы, каштеляны, паны, князья и вся повѣтовая шляхта. Собравшись, они „зволнвшись вси одностайне“, выбираютъ двухъ пословъ отъ cadaго судового повѣта для представительства на сеймѣ, съ врученіемъ имъ мандатовъ относительно тѣхъ вопросовъ, о которыхъ было объявлено господаремъ, такъ „и иные нормальные рѣчи водле чащи и потребъ“. Сеймики собираются за 4 недѣли до сейма. Такимъ образомъ, Статутъ 1566 г. знаетъ два вида сеймиковъ: для выбора пословъ и для избранія кандидатовъ на судебныя должности.

Значеніе
шляхты послѣ
реформы; ее
депутаты.

Годъ судебно-административныхъ реформъ является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи государственнаго строя Литвы. Установленіе шляхетскаго представительства, реформа судовъ и областного управленія приблизили литовскій государственный строй къ польскому, что и дало возможность осуществить парламентарную унию 1569 г.

XII. Люблинская Унія.

Склонность
шляхты къ
уніи.

Унитарный вопрос снова выдвигается на первый план во время Сигизмунда II. Постановка его совпала съ движеніемъ шляхты въ сторону демократизаціи государственнаго строя. Шляхта, чѣмъ больше принимала участіе въ политической жизни, тѣмъ все болѣе и болѣе сознавала необходимость уніи съ Польшей, какъ условія шляхетизаціи Литвы. Этимъ и объясняется ея сочувственное отношеніе къ уніи, такъ какъ самостоятельность Литвы не давала надеждъ на реализацію ея плановъ. Борьба шляхты съ аристократіей, ливонская война заставили поднять вопросъ объ уніи. Шляхта открыто на сеймахъ заявляетъ о своихъ симпатіяхъ къ уніи, а на Виленскомъ сеймѣ 1563 г. ей удалось добиться постановленія объ отправкѣ сеймовой делегаціи для переговоровъ объ уніи. Наказъ делегаціи составленъ въ духѣ компромисса между автономными стремленіями магнатовъ и унитарными требованіями шляхты.

Переговоры
съ поляками.

Инструкція ни слова не говоритъ объ инкорпорации: она понимаетъ унію въ смыслѣ сближенія обоихъ государствъ на почвѣ военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общихъ совмѣстныхъ сеймахъ; коронованіе происходитъ въ Краковѣ, а въ Вильнѣ бываетъ отдѣльно посаженіе на великокняжескій столъ. Инструкція предусматриваетъ совмѣстные сеймы и по другимъ общимъ вопросамъ, но внутренняя автономія cadaго государства сохраняется въ неприкосновенности. Кромѣ того, литовцы соглашались въ интересахъ уніи разрѣшить полякамъ приобрѣтать имѣнія въ Литвѣ. Но для поляковъ и такая унія оказалась неприемлемой, да и политическій моментъ былъ очень благоприятенъ для втѣленія Литвы въ Польшу. Переговоры на Варшавскомъ сеймѣ 1564 г. кончились ничѣмъ, хотя литовская делегація во многомъ отступила отъ инструкціи, настаивая только на сохраненіи особыхъ законовъ и установленіи особыхъ судовъ и администраціи.

Переговоры на Варшавскомъ сеймѣ 1564 г., на котормъ не удалось заключить уніи, закончились опубликованіемъ весьма важнаго акта: король отказался за себя и своихъ потомковъ отъ своихъ „дѣдичныхъ“ правъ въ Литву, съ передачей таковыхъ коронѣ Польской на вѣчныя времена. Такая декларация могла ускорить заключеніе уніи въ желательномъ для поляковъ и Сигизмунда направленіи. Впрочемъ, поляки не унывали, въ надеждѣ что переговоры объ уніи всетаки увѣчатся успѣхомъ. Бѣльскій сеймъ 1564 г., на который пріѣхало немало поляковъ, обнаружилъ сочувствіе къ уніи со стороны шляхты и отрицательное отношеніе только аристократіи, а послѣ реформъ 1565—1566 г., когда власть перешла въ руки шляхты, заключеніе уніи было обезпечено. Поляки торопились заключить унію до окончанія войны съ Москвой. Послали пословъ для переговоровъ на Брестскій сеймъ, но они кончились ничѣмъ, хотя литовцы предлагали унію въ духѣ переговоровъ Варшавскаго сейма 1564 г. Но внѣшнее положеніе дѣлъ для Литвы складывалось неблагопріятно, и Литвѣ пришлось снова поднять вопросъ объ уніи.

Сигизмундъ II, въ интересахъ скорѣйшаго рѣшенія этого вопроса, созвалъ спольный сеймъ въ Люблинѣ (1569 г.): онъ и явился завершеніемъ того политическаго плана, который столько вѣковъ приводился въ исполненіе. И на этомъ сеймѣ шла упорная борьба сторонниковъ и противниковъ уніи. Каждая сторона выставляла извѣстные намъ аргументы: одни ссылались на Мельницкій трактатъ 1501 г., другіе на старыя привилеи и прошлое государства. Польскіе послы не желали считаться ни съ какими моральными и политическими соображеніями литовцевъ. Въ концѣ концовъ литовцы уѣхали, въ надеждѣ что безъ нихъ дѣло уніи не будетъ рѣшено. Но въ моментъ ихъ отсутствія поляки присоединили къ Польшѣ Подлясье и Волынь, и, конечно, это присоединеніе было актомъ насилія по отношенію къ Литвѣ: бывшихъ на сеймѣ

подляшанъ заставили присягнутьъ подъ угрозой лишенія имѣній. Не присягнулъ только староста Евстафій Воловичъ, лишенный державъ, полученныхъ за разныя государственныя заслуги. Затѣмъ, по требованію короля, стали прѣвѣжать на сеймъ уѣхавшіе подляшане и воляняне для принятія присяги. Послѣ присоединенія поляками двухъ областей, литовцы опять прѣвѣжали на сеймъ, но ихъ протестъ по поводу инкорпорации не имѣлъ практическаго значенія. Присоединеніе двухъ областей и видимая невозможность для стороны Литвы активно этому противодѣйствовать сдѣлали поляковъ смѣлѣе: они такимъ же путемъ присоединили Кіевщину.

Люблинская
уния 1569 г.

Послѣ этого и поляки не настаивали на полной инкорпорации, согласившись сдѣлать кое-какія уступки литовскимъ магнатамъ. Правда, Литва лишилась части территоріи: Подляшья, Волини, Кіевщины и Литовскаго Подоля, но урѣзанное княжество сохранило въ нѣкоторомъ отношеніи автономію въ видѣ правъ имѣть свои суды, законы, уряды. Но зато соединенное государство имѣетъ общаго главу, избираемаго на совѣстномъ сеймѣ; элекціи происходятъ въ Польшѣ. Сеймы и раду Литва и Польша должна имѣть общіе. На сеймахъ и въ радѣ литовцы засѣдаютъ совмѣстно съ поляками. Мѣсто для сеймовъ избирается въ границахъ Польши, по указанію пановъ-рады. Устанавливается общая монета. Внѣшняя политика—дѣло обоихъ народовъ: заключеніе договоровъ, отправка пословъ—производится съ вѣдома и согласія обоихъ народовъ. Поляки и литовцы имѣютъ право повсемѣстнаго приобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, но старыя пожалованія остаются въ неприкосновенности. Должности, почетныя и служебныя, могутъ раздаваться только лицамъ, присягнувшимъ королю и коронѣ польской: благодаря этой статьѣ поляки получили возможность занимать должности въ Литвѣ. Шляхта и ихъ подданные въ Польшѣ и Литвѣ освобождаются отъ платежа всякихъ

пошлинъ при продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или вывозѣ ихъ за границу.

Заключеніемъ уніи 1569 г. польскіе дипломаты от-^{Значеніе Люблинской уніи.} части добились своего, отторгнувъ отъ Литвы лучшія русскія земли, но „втѣленія“ и теперь не произошло, и самостоятельность литовскихъ урядовъ—лучшій показатель извѣстной внутренней самостоятельности Литвы. Это, впрочемъ, все, чего могли добиться литовскіе сепаратисты въ лицѣ магнатовъ. Зато шляхта могла быть довольна результатами парламентарной уніи, отдавшій судьбу Рѣчи Посполитой въ ея руки. Съ введеніемъ уніи 1569 г. политическая роль магнатовъ фактически была кончена. За ней оставались незначительныя привилегіи, отнять которыя было дѣломъ будущаго... Унія 1569 г. сблизила литовско-русскую шляхту съ польскою и содѣйствовала усвоенію ею польскихъ формъ быта. Отсюда идетъ ея быстрая полонизація, а вмѣстѣ съ ней быстро развивается крѣпостное право, гнетъ котораго въ Рѣчи Посполитой содѣйствовалъ образованію казачества, вызвалъ рядъ его возстаній, принявшихъ характеръ социальнаго протеста. Унію нельзя забывать при изученіи общественной борьбы въ Рѣчи Посполитой и той религіозной борьбы, которая обострилась послѣ 1569 г. въ связи съ нетерпимой религіозной политикою польскаго правительства. Въ общемъ, унія дала больше отрицательныхъ результатовъ, чѣмъ положительныхъ, и съ нея приходится вести начало упадка Рѣчи Посполитой.

В. Пичета.

